

СЕРЕБРЯНАЯ РЕКА

ИСТОРИИ ДЭВАБАДА

Шеннон А. ЧАКРАБОРТИ

fanzon

Ганзон. Наш выбор. Чакраборти

Шеннон Чакраборти

Серебряная река

«ЭКСМО»

2022

УДК 821.111-312.9(73)

ББК 84(7Coe)-44

Чакраборти Ш. А.

Серебряная река / Ш. А. Чакраборти — «Эксмо»,
2022 — (Fanzon. Наш выбор. Чакраборти)

ISBN 978-5-04-191632-9

Возвращение в мир «Трилогии Дэвабада». Бестселлер The New York Times. «Трилогия Дэвабада» Шеннон А. Чакраборти, снискавшая славу по всему миру, пополнилась новым сборником историй, действия которых происходят до, во время и после событий «Латунного города», «Медного королевства» и «Золотой империи». Мы услышим рассказы с точки зрения как любимых персонажей, так и ненавистных, и даже тех, кто не имел права голоса в романах. «Серебряная река» включает в себя как уже опубликованные рассказы, так и совершенно новые материалы, в том числе и альтернативный эпилог к «Золотой империи», которую обязан прочитать каждый поклонник Дэвабада. Собранные под одной обложкой, эти истории о Дэвабаде обогащают и без того наполненный волшебством и чудесами мир. Исследуйте это магическое королевство, скрытое от людских глаз. Место, где джинны живут и процветают, сражаются и любят. Мир, где принцы сомневаются в собственной власти, а могущественные демоны могут протянуть вам руку помощи... или уничтожить вас. ...Принцесса присоединяется к королевскому двору, чья зловещая история наполнена смертями, и ее политической смекалки может быть недостаточно, чтобы справиться с ней... ...Заклученный в тюрьму член королевской семьи из свергнутой династии и молодая женщина, вырванная из своего дома, встречаются в зачарованном саду... ...Пара разведчиков натывается в проклятом зимнем лесу на тайну, которая перевернет их мир... От первых шагов Манижи к восстанию до приключений, которые происходят после «Золотой империи» — эта коллекция обязательна к прочтению тем, кому не хватает Нары, Али и Дара, а также историй, что разворачиваются вокруг них. «Множество точек зрения позволяют читателям заглянуть за кулисы мира и понять мотивацию персонажей. Этот сборник станет настоящим праздником для поклонников серии». — Publishers Weekly «Этот сборник обязан присутствовать в библиотеке рядом с “Трилогией Дэвабада”,

поскольку он снова показывает удивительных персонажей Чакраборти и ее великолепный мир». — Library Journal «Если это последняя книга о невероятно уникальном волшебном мире Чакраборти, то это, безусловно, сияющий и драгоценный подарок». — Paste Magazine

УДК 821.111-312.9(73)

ББК 84(7Сое)-44

ISBN 978-5-04-191632-9

© Чакраборти Ш. А., 2022

© Эксмо, 2022

Содержание

Предисловие автора	7
Манижа	9
Дарийя	20
Хаџет	29
Мунтадир	41
Конец ознакомительного фрагмента.	45

Шеннон А. Чакраборти

Серебряная река

S. A. Chakraborty
THE RIVER OF SILVER

Copyright © 2022 by Shannon Chakraborty
Published by arrangement with Harper Voyager, an imprint of HarperCollins Publishers
Jacket art by Alan Dingman
Fanzon Publishers
An imprint of Eksmo Publishing House
Перевод Григория Крылова

© Г. Крылов, перевод на русский язык, 2023

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2023

* * *

Моим читателям

Эта книга никогда бы не появилась на свет без вас

Предисловие автора

Хотя это и случилось более десяти лет назад, я до сих пор помню день, когда я впервые поделилась тем, что позднее стало «Латунным городом», с моими друзьями по пишущей группе в Бруклине. Я была новенькой в группе, в писательстве и совсем новенькой в роли человека, сидящего на диване в чужом доме и представляющего работу, в которую была вложена вся моя душа; я делилась той разновидностью рукописи, какой, по моему мнению, должна быть эпическая фэнтези: содержать не менее дюжины сюжетных линий различных персонажей, множество дорог от одного края страны до другого, десятки разных городов, деревень и волшебных панорамных видов. И все это, страница за страницей, основано на подробной предыстории, на мудреных рассказах и исчерпывающих описаниях.

Вы могли бы сказать, что они не согласились со мной.

Определенно, существуют эпические истории в жанре фэнтези, которые требуют исследования такого рода, возражали они, но «Латунный город» рассказывал о путешествии Нари и Али. О молодой женщине, насильно вырванной из всего, что она знала, вынужденной снова и снова перестраивать свою жизнь, но нашедшей в себе силы обрести в этом выживании яростную решимость сражаться за свой народ и свое счастье. О молодом мужчине, который пытается примирить свою веру и свои идеалы справедливости с тем фактом, что город, его любимый город, построен на подавлении, но отказ от подавления будет означать отказ от правил собственной семьи. И хотя мое желание состояло в том, чтобы поместить их в абсолютно реальный мир среди густого созвездия друзей и семьи, любимых и врагов, чтобы у каждого была своя история, свои комплексы, свои планы, я заранее приняла решение, что в центре этой конкретной истории будут Нари и Али, а позднее – Дара.

Но я очень привязана к моим второстепенным персонажам и твердо верю: для того чтобы история росла и дышала, нужно воспользоваться самым естественным способом – написать ее. И потому в ходе работы над трилогией я параллельно провела опросы некоторых анонимных лиц и описала поведение Мунтадира и Джемшида теми словами, что они подсказали мне, увидела, как Зейнаб стала вождем повстанцев и углубилась в юные годы Дары в гораздо более древнем Дэвабаде. Я написала сцены, которые помогли мне лучше понять трилогию даже в тех случаях, когда я брала из нее только одну строку или эмоциональный настрой. Они представляли собой мою собственную разновидность исследовательских записок, но не из тех, которыми я намеревалась поделиться.

Но тут началась пандемия. Не погружаясь слишком глубоко в мое личное восприятие этого кризиса, который еще не закончился, достаточно будет сказать, что в первые несколько месяцев локдауна я не могла написать ни строчки. Мир сгорал в пожаре, моя семья нуждалась во мне, а я при этом должна была творить? В отчаянной попытке в буквальном смысле выдать из себя хотя бы строку я вдруг поймала себя на том, что возвращаюсь к моим старым описаниям событий в Дэвабаде. Работа над чем-то знакомым и уже отчасти существующим в черновом виде и в любимом и хорошо знакомом мне мире оказалась не такой устрашающей, как начало с чистой страницы нового проекта. Слова стали медленно возвращаться ко мне, и я начала продвигаться вперед, воображая себе жизнь моих героев по завершении «Золотой империи» и человеческих историй задолго до начала «Латунного города».

И вот теперь я делюсь с вами некоторыми из этих историй. Они расположены в хронологическом порядке с коротким предисловием, которое позволит вам уложить их в контекст трилогии. Надеюсь, вам, как и мне, понравится короткое возвращение в Дэвабад, и хочу, чтобы вы знали: я ваш вечный должник за то, что вы решили дать моей книге шанс.

*Пусть огонь ярко горит для вас.
Шэннон Чакраборти*

Манижа

Эти события происходят за несколько десятилетий до «Латуниного города» и содержат спойлеры к двум первым книгам.

Ее сын был великолепен.

Манижа нащупала одно из крохотных ушек Джамшида, наслаждаясь красотой его идеального личика. Ему всего-то исполнилась неделя, и его темные глаза еще оставались подернутыми огненной дымкой. Его маленькое тело было мягким и теплым, оно лежало в защитном коконе ее рук. Но Манижа, выйдя из палатки, все равно покрепче прижала его к груди. Хотя весна уже наступила, но еще не успела войти в силу, и Зариаспа цеплялась за свои прохладные утра.

Долина перед ней светилась светом восхода, вспышки розового и алого клевера посверкивали каплями росы на фоне высокой травы. Она осторожно перешагивала через разбросанные по земле камни и битый кирпич. Они с Каве разбили свою палатку в развалинах одного из многих заброшенных людьми домов, какими изобиловала эта земля, и уже мало что отличало эти руины от каменистого склона холма, разве что несколько арок и коренастая колонна, украшенная изображениями алмазов. И тем не менее Манижа на ходу спрашивала себя, а каким могло быть это место прежде. Не было ли здесь замка, королевского дворца, по которому ходили другие новоиспеченные родители в ужасе при мыслях о том, что же это за мир, в который они привели ребенка благородных кровей?

Манижа снова посмотрела на сына. Ее Джамшид. Они назвали его королевским именем, позаимствованным давным-давно у людей наряду со множеством других имен – большинство дэвов отрицали, что эти имена заимствованные, но Манижа воспитывалась как Нахид, она знала то, что было запрещено знать остальным представителям ее племени. Имя Джамшид было именем легендарным и королевским. Оптимистическим именем, восходящим к последнему клочку надежды в ее душе.

– Это самое мое любимое место в мире, – тихо сказала она, увидев, как вздрогнули веки Джамшида, сонного малыша, пьяного от молока. Она положила его голову себе на плечо, вдохнула сладкий запах его шейки. – У тебя здесь будет столько приключений. Твой папа купит тебе пони и научит тебя ездить, и ты сможешь исследовать землю, сколько твоей душе угодно. Я хочу, чтобы ты этим занялся, мой дорогой сын, – прошептала она. – Я хочу, чтобы ты иссле-

довал, мечтал и потерялся в каком-нибудь месте, где тебя никто не смог бы найти. Где никто не смог бы запереть тебя в клетку.

Чтобы Гассан не смог дотянуться до тебя. Чтобы он никогда-никогда не узнал о твоём существовании.

И если она в чем и была уверена, так это в одном: Гассан никогда не узнает о существовании Джамшида. При одной только мысли о том, что он может узнать, ей становилось дурно от страха, а она принадлежала к тем женщинам, которых нелегко напугать. Гассан убьет Каве, она в этом не сомневалась, рано или поздно убьет самым изощренным способом, какой сможет изобрести. Он накажет Рустама, уничтожит то, что осталось от сломленного духа ее брата.

А Джамшид... ее разум не позволял ей размышлять над тем, как Гассан использовал бы ее сына. Если бы Джамшиду повезло, Гассан удовольствовался бы тем, что заставил бы его жить в страхе, в каком жила она с Рустамом: заточил бы где-нибудь в дворцовом лазарете и каждый день напоминал ему, что если бы не полезная кровь Нахид, то вся их семейка давным-давно была бы уничтожена.

Но она не думала, что ее сыну повезет. Манижа видела, как год за годом все больше ожесточается Гассан, превращается в зеркальное отображение его тирана-отца. Может быть, Манижа проявила чрезмерную и глупую гордыню, когда отказала Гассану в том, что его сердце жаждало больше всего; может быть, было лучше связать их семьи и племена родством: вымучивать улыбку на лице во время королевской свадьбы, а в темноте на его кровати закрывать глаза. Может быть, ее народу дышалось бы легче, а ее брат не вздрагивал бы при каждом слишком сильном дверном хлопке. Разве для подавляющего большинства женщин такой выбор не был бы наилучшим максимумом, о каком можно было только мечтать?

Но Манижа сделала другой выбор. Она предала Гассана самым обидным для него образом, и теперь она знала: если ее и Каве поймают, то отомстят.

Она поцеловала спутанный пушок на голове Джамшида:

– Я вернусь за тобой, мой маленький, я тебе обещаю. А когда я вернусь... я буду молиться, чтобы ты смог простить меня.

Джамшид шевельнулся во сне, издал какой-то тихий звук, а ее сердце обливалось кровью. Манижа закрыла глаза, стараясь запомнить все в мельчайших подробностях. Его тельце в ее руках, его сладкий запах. Звуки перешептывания ветерка с травой, прохладу воздуха. Она хотела запомнить, как держит его, прежде чем заберет у него все.

– Ману?

Манижа замерла, услышав неуверенный голос Каве, ее эмоции снова перешли в режим свободного падения. Каве. Ее товарищ и сообщник с самого их детства, когда они тайком выбегали из дома, чтобы выкрасть лошадей и скакать без конца по окрестностям. Ее ближайший друг, а потом и любовник, когда любопытство и подростковая истома привели их к робким касаниям, к их драгоценным мгновениям.

Еще один человек, которого она вот-вот потеряет. Манижа и без того задержалась в Зариаспе на три месяца, игнорируя письма Гассана, требовавшие ее возвращения. Она удивилась бы, узнав, что король не снаряжает солдат, чтобы доставить ее во дворец. В одном она не сомневалась: после этого она больше никуда из Дэвабада не уедет. Во всяком случае, пока Гассан остается у власти.

«Кольцо, – попыталась она напомнить себе. – Пока у тебя есть кольцо, есть и надежда». Но ее детские фантазии об освобождении спящего воина-Афшина от рабского кольца, которое они с Рустамом нашли так давно, казались теперь именно тем, чем и были, – фантазиями.

Каве заговорил снова:

– Я приготовил все, что ты просила. Как ты... как ты – в порядке?

Манижа чуть не рассмеялась. Ей хотелось плакать. Она еще крепче прижала к себе ребенка. Казалось невозможным, что вот сейчас она должна будет отпустить его. Ей хотелось

накричать на своего творца. Ей хотелось упасть без сознания в руки Каве. Единственный раз, когда ей хотелось, чтобы кто-нибудь утешил ее, сказал, что все будет хорошо. Ей хотелось перестать быть Бану Нахидой, богиней, которой непозволительно слабости.

Но от своей роли она не могла убежать. Даже для Каве она всегда будет прежде всего Нахид, а потом уже любовницей и другом, и она не позволит себе сейчас посеять сомнение в его веру. Она приняла меры, чтобы ее голос звучал ровно, а глаза были сухи, и только тогда повернулась к нему.

Горе искажало ее лицо.

– Как ты красива с ним, – прошептал Каве, в голосе его слышались преклонение и боль. Он подошел поближе, посмотрел на ее спящего сына. – Ты уверена, что по-прежнему хочешь сделать то, что задумала?

Манижа погладила спинку Джамшиду:

– Другого способа скрыть его происхождение нет. Магия Нахид действует сильнее всего, когда мы еще дети. Если мы не сделаем это сейчас, то он будет исцелять своих кормилиц, а потом начнется и исцеление исцарапанных коленок.

Каве неуверенно посмотрел на нее:

– А если ему в один прекрасный день понадобятся такие способности?

У него были все основания для такого вопроса. Джамшид в ее руках казался таким крохотным и хрупким. Он мог подхватить и болезнь, и проклятие. Он мог упасть с лошади и сломать себе шею. Напиться из одного из множества отравленных железом ручьев, пересекавших густые леса Зариасы.

И все же эти риски были куда как меньше опасности быть пойманным в качестве представителя рода Нахид.

«Удивительно, как в Дэвабаде смерть может быть предпочтительнее жизни».

– Я не знаю, что еще можно сделать, Каве, – призналась она, когда они вернулись в палатку. В восточном углу дымил алтарь огня. – Я надеюсь, настанет день, когда я смогу удалить отметину, но этот день еще далеко. Честно говоря, это такая старая и неизученная магия, что мне остается только надеяться, что у меня получится.

– И как мы узнаем, если получится?

Манижа уставилась на сына, провела пальцем по его сморщенному личику. Она попыталась вообразить, как будет выглядеть Джамшид, когда ему будет три месяца. Три года. Тринадцать лет. Дальше она не хотела заглядывать. Она не хотела думать о том, что полностью пропустит время его взросления.

– Если получится, то я не смогу контролировать его боль, – ответила она. – И он начнет кричать.

ЧЕРЕЗ ТРИ НЕДЕЛИ ПОСЛЕ ТОГО, КАК МАНИЖА В ПОСЛЕДНИЙ РАЗ ДЕРЖАЛА СВОЕГО РЕБЕНКА, она стояла в тронном зале Дэвабадского дворца.

– В общем, сами понимаете... – сказала она, закончив вымышленное, нескладное объяснение своей задержки на лишней месяц в Зариаспе. – Мои эксперименты со временем были слишком многообещающими, чтобы так вот взять и бросить на половине. Я должна была закончить и увидеть результат.

В течение долгого, напряженного мгновения в зале стояла такая тишина, что и пролетающую муху было бы слышно. Потом Гассан выпрямился на своем троне.

– Твои эксперименты? – повторил он за нею. – Ты оставалась в Зариаспе, игнорируя мои просьбы, моих курьеров, ты продолжала свои эксперименты. Моя жена, твоя королева, умерла из-за твоих экспериментов?

«Саффия никогда не была моей королевой». Но произнести эти слова вслух Манижа не осмелилась. Вместо этого она постаралась не раскачиваться, стоя на одном месте. Будь она

проклята, эта магия Нахид, Манижа чувствовала себя так, будто ее выпотрошили. Ее ноги и спина болели от долгой езды, а груди распухли от молока, которое никак не хотело перестать вырабатываться, и стоило ей хотя бы чуть-чуть надавить на прокладки и капустные листья под блузкой для сокрытия ее положения, как жгучие слезы боли выступали у нее на глазах.

Преодолевая все это, она сказала:

– Я не получала ваших посланий. – Манижа слишком устала, была слишком раздавлена горем, чтобы говорить искренним голосом, даже она сама слышала, насколько ее слова были лишены радения об убедительности. – Если бы получила, то вернулась бы раньше.

Гассан недовольно смотрел на нее, он выглядел обманутым и преданным. В выражении его лица была видна подлинная скорбь, эмоция, которой Манижа не видела очень давно. С каждым очередным десятилетием его пребывания на троне Дэвабада его способность к сопереживанию гасла, словно правление городом высасывало тепло из его сердца.

В нем не было сочувствия. Гассан отдал приказ схватить ее – нет, не схватить, потому что даже у короля не хватало власти заставить своих людей прикоснуться к ней, – но солдаты окружили ее, вынудили сойти с коня у ворот Дэвабада, а потом идти по всему главному бульвару, по кварталу ее племени до дворца. И Манижа прошла этот путь, стараясь высоко держать голову и скрывать тот факт, что ее дыхание сбивалось, поскольку дорога петляла, то опускалась, то поднималась по холмам города. Ее соплеменники смотрели на нее, пряча испуганные лица за стеклами окон и потрескавшимися дверями, и Манижа не могла допустить, чтобы дэвы увидели, как она оступится. Она была их Бану Нахида, их свет. И в этом состоял ее долг.

Но когда она подошла к дворцу, построенному ее предками, когда услышала его каменную песнь, адресованную ей, она уже была не она, а настоящая развалина. Одежда на ней превратилась в сплошное непотребство: платье было разодрано и местами покрыто грязью, капюшон чадры соскользнул на плечи, обнажив растрепанные волосы и подведенные сажей брови. И все это еще до того, как ее провели в тронный зал, священное место, где когда-то заседал Совет Нахид.

Что подумали бы ее предки, увидев ее в таком виде, подумала она: волосы растрепанные, грязные, и стоит она у подножия украденного трона, принадлежавшего ее семье, раболепствует перед потомками джинна, который убил их.

Будь она мудрой, она бы извинилась. Манижа знала: именно этого и хотел от нее Гассан. Она унизила его. Двор Дэвабада был жестоким, а придворные, делясь слухами, не щадили его правителей. Маниже хотелось унижить Гассана, чтобы это видели все и подумали, а так ли уж он всемогущ, грозный король Дэвабада, если его собственная Нахида может так открыто отказывать ему в повиновении? Притом что это неповиновение привело к смерти его жены? И Манижа искренне переживала ее смерть. Она никогда не испытывала неприязни к Саффие. Скорее уж наоборот: она надеялась, что женитьба Гассана положит конец его домогательствам. Извинение ничего не стоило бы Маниже, кроме уязвленной гордости, и, вероятно, так бы и поступил хороший целитель, к тому же пристыженный смертью, в которой не было ни малейшей необходимости.

Манижа выдержала взгляд Гассана, чувствуя, что весь двор смотрит на нее. Смотрит его кейд по имени Ваджед, еще один джинн гезири. Его великий визирь из Аяанле. Сколько бы Гассан ни трещал о необходимости улучшения отношений между дэвами и племенами джинов, среди тех, кто смотрел на нее сейчас, не было ни одного лица дэва. А судя по выражениям на лицах джинов, никто из них не скорбел. Они казались нетерпеливыми. Голодными. Все они радовались, видя, как ставят на место наглуго «огнепоклонницу».

«Мы лучше вас. Я лучше вас». В первый раз Манижа чувствовала искушение дать волю ярости, которая кипела в ней. Она, вероятно, вполне могла переломать кости половине из этих мужей, пялившихся на нее сейчас, обрушить потолок и погрести их всех под ним.

Но численное превосходство было на их стороне, а еще Манижа знала, что, поступи она так, и все дэвы, какие есть в городе, умрут. Оружие всех, кто останется живым в этом зале, искромсает ее, потом будет казнен Рустам, как и Низрин, ее самый преданный друг и помощник. За ними последуют священники в храме и дети из школы. Их квартал почернеет от крови невинных.

И потому Манижа опустила взгляд. Но не извинилась. Напротив, спросила безразличным голосом:

– Мы закончили?

В голосе Гассана она услышала ярость.

– Нет. Но ты определенно нужна другим брошенным тобой пациентам в лазарете. Ступай. «Ступай». Эта команда обожгла ее своей уничижительностью. Манижа развернулась на каблуках.

Но он еще не закончил.

– Ты больше не покинешь этот дворец, – объявил ей в спину Гассан. – Мы не хотим, чтобы с тобой что-нибудь случилось.

Ее ладони горели магией. Щелчка пальцами было бы достаточно, чтобы сломать кости в основании его черепа?

Она распрямила плечи и расслабила руки.

– Ясно.

Перешептывание становилось все громче, пока она шла через толпу к двери. Холодные, как металл, взгляды джиннов обвинительно и враждебно мерили ее. «Бессердечная ведьма», – слышала она. Завистливая и жестокая. Сноб. Сучка.

Огнепоклонница.

Манижа, высоко держа голову, вышла в дверь.

Но легче ей за пределами тронного зала не стало. День был в самом разгаре, и дворец кишел секретарями и министрами, знатью и учеными. Капюшон грязной чадры Манижи все так же ниспадал ей на плечи, и она стала мгновенно узнаваемой. Она даже представить себе не могла, какой убогий у нее вид – вся в грязи и без сопровождения, понесшая наказание от их справедливого, правоверного короля. Шум в коридоре стихал, потому что люди останавливались, чтобы поглазеть на нее.

К ней двинулись два дэва, вид у них взволнованный. Манижа поймала их взгляд и почти незаметно отрицательно покачала головой. Помочь ей они не могли, а она не хотела подвергать своих соплеменников дальнейшему риску. Она по-прежнему в одиночестве встречала презрительный шепот. Это она своими руками убила Саффию, самую прекрасную из всех королев, потому что ей очень хотелось вернуться в постель Гассана.

Жар распространялся по ее рукам, ее шее. Туман плыл перед глазами Манижи. Она чувствовала каждую косточку, каждую каплю крови Нахид. Все ли понимали, какую жертву принесли она и ее народ ради них, ради того, чтобы они стояли здесь, осуждали ее теперь?

Нет, конечно.

Осознавая, что магия дворца просто поглотит ее бешенство, сделает с ним что-то непотребное, если она и дальше будет отказываться подчиниться, Манижа, тяжело дыша, направилась к первому же выходу в сад, который попался ей на пути. Она, казалось, напугала охранника, который подпрыгнул при виде нее, но пришел в себя вовремя, чтобы захлопнуть дверь и запереть замок, когда она оказалась в саду.

Манижа прислонилась спиной к стене и закрыла лицо руками. Все ее тело болело. Ее душа болела. Она чувствовала себя пустой, выгоревшей оболочкой. Джамшид и Каве в том месте, где она их оставила, – вот все, что она видела в темноте ее разума, мужчину, которого она любила, с их запретным ребенком на руках среди руин и весенних цветов. Она все еще слышала крики Джамшида, когда она делала татуировку на его плече, отделяя его таким образом от его

наследия. Этот плач до сих пор звучал в ее ушах. Его крики, прерываемые иканием, и снова и снова приглушенные всхлипы.

Потом Манижа замерла. И дело было не только в воспоминании о криках Джамшида; она слышала плач другого ребенка где-то за путаницей зелени.

Она помедлила. Это был самый широкий угол сада, он пребывал в небрежении несколько веков, а теперь превратился в дикие джунгли. Высокие деревья парили за стенами дворца, колючие стебли задушили тропинки, а подлесок был такой густой, что внизу царила темнота, ноги скользили на гниющих листьях и мхе. Здесь канал, который проходил по дворцу, был безмолвен и непредсказуемо глубок, его черная вода каждый год забирала как минимум одну жизнь. Конечно, по той причине, что это был Дэвабад, а не только потому, что опасность таила в себе сама природа. Магия дворца, текшая по ее жилам, всегда казалась самой безжалостной среди этих безмолвных деревьев. Словно что-то древнее и раненое похоронило себя под землей и кормилось кровью и страданиями тысячелетий.

А потому в эту часть сада не заходили все те, кто имел хоть какое-то чутье. В этих зарослях случались вещи, непонятные даже джиннам. Тощий кот появился оттуда тигром со стеклянными зубами и змеиным хвостом. Говорили, что тени там могут отделяться от земли и проглатывать неосторожных. Смесь слухов с реальной магией, линия раздела между историями, рассказываемыми, чтобы напугать детей, и случаев со слугами, которые и в самом деле уходили и пропадали так, что найти их было довольно затруднительно.

Истории, которые не пугали Манижу. До этого дня. Да, она носила имя Нахид, и магия дворца никогда не вредила ей. Но что могло заманить сюда ребенка, она и представить была не в состоянии, и несколько мгновений даже думала, что этот звук просто трюк, жестокое целенаправленное стрекало.

Плач со слезами под икание не прекращался, был он трюком или нет. Ее озабоченность все росла, и она пошла на звуки, предполагая, что увидит, может быть, чудовищно громадную птицу, подражающую человеческим звукам.

Но увидела она не птицу. Под крупным кедром в корнях, переплетенных настолько, что пролезть в них мог только кто-то очень маленький, запутался мальчик. Он лежал, сложившись, на мху, прижав колени к груди, и все его тело сотрясали рыдания. В полумраке выделялась пышность его одеяний. Его дешдаша из хлопка там, где она не была закидана листьями и не покрыта грязью, поражала своей светящейся белизной. Кушак был из шелка, в насыщенном медном свете выделялся бронзовый и ярко-синий рисунок. На запястьях и в ушах у него блесло золото, на шее висело жемчужное ожерелье. Вся эта роскошь ничуть не походила на финтифлюшки, какие надевают маленькие мальчики, выходя поиграть на улицу, и, уж конечно, не будет надевать такие ее сын, который в холодные зариаспские зимы станет одеваться в вещи из домотканой шерсти и латанные-перелатанные шапочки.

Но, глядя на маленького мальчика перед ней, она понимала, что он не похож на других. Он был наследником престола короля-джинна.

А еще он был очень глупым мальчиком. Потому что, оглядевшись, она поняла, что юный Мунтадир аль-Хахтани вроде бы пришел сюда один и без оружия, одна ошибка накладывалась на другую. Она не могла себе представить, каким образом маленький принц, с которого обычно пылинки сдували, оказался здесь, в этих зарослях, плачущим в одиночестве.

«Не можешь?» В конечном счете в жилах Манижи текла королевская кровь, и она рано научилась скрывать свои эмоции. Во дворце эмоции были слабостью, которую другие использовали, чтобы навредить тебе. И Мунтадир был не просто королевским сыном – он происходил из семьи воинов, людей, которые превыше всего ценили в себе выносливость. Он явно уже достиг того возраста, когда должен был понимать цену, которую ему придется заплатить за свои слезы в таком месте, где его могли увидеть другие.

А еще, если он и дальше будет здесь оставаться, его может сожрать тень, и тогда в этом, скорее всего, обвинят детей Нахид, а потому Манижа шагнула вперед:

– Мир тебе, маленький принц.

Мунтадир вздрогнул, его голова дернулась. Его глаза сначала широко распахнулись от страха, а потом уже нашли ее. Он с трудом поднялся на ноги, прижался спиной к стволу дерева. Манижа подняла обе руки.

– Я не желаю тебе зла, – тихо сказала она. – Но это небезопасное место.

Принц на это только моргнул. Он был красивым ребенком с большими яркими серыми глазами в обрамлении длинных темных ресниц. В его черных кудрях, спадавших идеальными локонами ниже подбородка, присутствовал каштановый оттенок. Подойдя поближе, Манижа увидела приколотые к его одежде крохотные амулеты из матированного стекла. Ожерелье из подобных же материалов висело на его шее, бледные стеклянные бусинки перемежались с деревянными бусинками и раковинами с брелоками из чеканной меди. В брелоки, вероятно, были помещены священные стихи, написанные крохотными шрифтами на бумаге. Деревенские суеверия для защиты юного наследника от всевозможного зла. Его мать родилась в маленьком прибрежном поселке, и если Манижа считала Саффию смиренной и тихой, то она не могла не отмечать, как та до сих пор пытается защитить сына известными ей средствами.

Теперь ее не было. Мунтадир замер, как кролик при виде коршуна.

Манижа опустила на колени в надежде, что так будет казаться менее устрашающей. Несмотря на все сплетни джиннов, она бы никогда и пальцем не тронула ребенка.

– Я знаю про твою маму, маленький, и очень тебе сочувствую.

– Тогда почему вы ее убили? – выкрикнул Мунтадир. Он отер сопливый нос рукавом и снова заплакал. – Она вам ничего плохого не сделала. Она была хорошая и добрая... она была моя амма, – плакал он. – Она мне нужна.

– Я знаю, и я сочувствую тебе. Я тоже потеряла маму, когда была совсем маленькой.

Слово «потеряла» было невероятно точным в своей жестокости, потому что мать Манижи была среди многих других дэвов, которые исчезли во время правления Кадера – отца Гассана. Во время его жестокого правления.

– Я знаю, сейчас это кажется тебе невозможным, но ты будешь жить и дальше. Она бы хотела, чтобы ты жил дальше. У тебя здесь люди, которым ты дорог, они будут присматривать за тобой.

Последние слова были похожи на ложь или, по крайней мере, на полуправду. А правда состояла в том, что маленький осиротевший принц станет для людей центром притяжения, но при этом у них будут в головах свои далеко идущие планы.

Мунтадир смотрел на нее, вид у него был совершенно недоумевающий.

– Зачем вы ее убили? – снова прошептал он.

– Я ее не убивала, – ответила Манижа; она говорила сочувственным, но твердым тоном. – Твоя амма была очень больна. Я получила вызов от твоего отца с опозданием и не успела ее спасти, но я никак не желала ей ничего плохого. Никогда.

Мунтадир подошел к ней поближе. Он сжимал в руке одну из разделявших их поросших мхом веток, сжимал с такой силой, что костяшки его пальцев побелели.

– Меня предупреждали, что вы именно так и будете говорить. Мне говорили, что вы будете лгать. Что все дэвы только и делают, что лгут. Мне сказали, вы убили ее, потому что хотели замуж за моего отца.

Одно дело было слышать эти подлые измышления от взрослых придворных, и совсем другое – из уст горюющего ребенка. Манижа была совершенно ошарашена обвинительным выражением его глаз. Мунтадир стоял теперь во весь рост, и в нем ясно просматривался будущий эмир.

– Настанет день – и я увижу вас мертвой.

Малютку принца так трясло, когда он произносил эти слова, и тем не менее он их произнес, он словно проверял новый навык, который еще не успел освоить полностью. А потом, прежде чем она успела открыть рот, он ушел еще глубже в заросли.

Манижа смотрела на его удаляющуюся спину. Мунтадир казался таким маленьким в подлеске, окутанном туманом. Ей вдруг захотелось, чтобы заросли навсегда поглотили принца, чтобы природа разделалась с угрозой, которая, как она понимала, будет только расти и вызревать. Но эта мысль мгновенно испарилась.

«Вот поэтому-то ты и оставила Джамшида». Пусть разлука с сыном разбила ее сердце, но он, по крайней мере, не будет расти в этом ужасном месте.

Манижа заставила себя двигаться дальше, но вскоре совсем вымоталась, влажная жара лишила ее еще оставшихся сил. Ноги у нее подкашивались, в месте их соединения скапливалась влага. Хотя со дня рождения Джамшида прошло уже немало недель, кровотечения у нее не прекратились. Манижа понятия не имела, считаются ли такие кровотечения нормой, она не знала, реагируют ли на деторождение тела женщин из ее рода иначе, чем тела других женщин. Когда она выросла настолько, что эти вопросы стали приходиться ей в голову, из ее рода не осталось ни одной женщины, чтобы ей ответить.

Но ее боль не имела значения. Потому что, чем ближе подходила она к лазарету, тем яснее понимала, что в ней нуждается другой Нахид.

Если Манижу востребовала магия дворца, то Рустаму принадлежали его густые заросли. Ее маленький брат никогда не был таким целителем, как она, но он был настоящим знатоком в том, что касалось растений, и сад был покорен ему, как преданная, любящая собака своему хозяину.

Теперь сад одичал. Повсюду в нем рос плющ и гигантские, воронкообразные цветы, везде проступала яркая зелень свежей растительности. Запах любимой апельсиновой рощи Рустама Манижа ощутила задолго до того, как увидела ее, в воздухе густо висел приторный аромат перезревших плодов и гниения.

Когда она свернула вместе с тропинкой, у нее перехватило дыхание. Сад лазарета выглядел так, будто принял дюжину порций зелья, ускоряющего рост. Кусты серебряной мяты прежде ростом до талии теперь могли соперничать высотой с деревьями, как розовые кусты с бутонами размером с тарелку и шипами, острыми как кинжалы. Фруктовый сад Рустама, его радость и предмет гордости, одичал, он возвышался над остальным садом, как огромный паук. Его фруктовое изобилие оказалось избыточным даже для волонтеров, которые собирали лишние плоды для кладовых Храма, потому что апельсины остались гнить на земле.

Манижа прошла по сорнякам, подгоняя себя, однако быстро у нее все равно не получалось. Капюшон ее исчез – его сорвала с нее ветка дерева, и теперь ее грязные волосы упали ей на плечи. Она даже не успела дойти до павильона, когда резкая боль пронзила ее в области таза. Она сложилась чуть ли не пополам, подавляя крик боли.

– Моя госпожа!

Манижа подняла взгляд и увидела, как Низрин уронила медицинские инструменты, которые она раскладывала на солнце, и бросилась к ней.

– Бану Нахида... – Низрин, не скрывая потрясения, замолчала, ее широко раскрытые, озабоченные глаза уставились на Манижу.

Манижа сжала зубы, потому что боль снова пронзила ее чрево. «Дыши. Просто дыши».

– Где Рустам? – с трудом проговорила она.

– Он как раз проходит процедуру. Он уже начал, когда пришло известие, что вы вернулись.

– Он здоров?

Низрин открыла и закрыла рот, судя по ее виду, она никак не могла найти подходящий ответ, но наконец сказала:

– Он жив.

Ответ был не очень обнадеживающий. Манижа и без того знала, что он живой. Гассан не мог пойти на такой риск – убить его единственного Нахида в ее отсутствие. Но было много чего другого, что он мог сделать с Рустамом.

– Моя госпожа, вам нужна помощь, – настаивала Низрин. – Позвольте я отведу вас в хамам.

Манижа сильнее прижала кулак к животу. В этот момент она не была уверена, что сможет дойти до хамама, уже не говоря о том, чтобы помыть себя, не потеряв сознания. Но главное, все станет понятно, как только она разденется.

Она поймала взгляд Низрин. Ее помощница, самая близкая к тому, кого можно назвать другом. Но еще важнее, что Низрин скорее умерла бы, чем предала бы ее. Она размышляла еще секунду, а потом тяжело оперлась на протянутую руку.

– Никто, кроме тебя, не должен меня видеть, – пробормотала Манижа. – Когда мы придем в хамам, позаботься, чтобы там больше никого не было. И забаррикадируй дверь, когда мы войдем.

– Забаррикадировать дверь?

– Да. Мне понадобится твоя помощь, моя дорогая. Но твое молчание для меня еще важнее.

МАНИЖА НЕ ЛИШИЛАСЬ СОЗНАНИЯ В ВАННЕ, хотя пребывала в таком смятении, что вполне могла. Время тянулось в тумане пара и горячей воды, в запахах мыла и старой крови. Низрин была заботлива и спокойна. Мгновение колебания возникло, когда она сняла с Манижи пыльную одежду, но, начав работать, она снова обрела свою всегдашнюю уверенность. По мере того как она отмывала и скребла Манижу, вода становилась уродливо серой, а Манижа, вероятно, плакала, но слезы вместе с мыльной пеной стекали с ее лица, так что она не была уверена, плачет она или нет. Да и не заботило это ее.

Но, когда она легла в свою постель, тяжелый сон сразу сморил ее, а пробудившись, увидела, что в комнате стояла темнота, свет исходил только от ее алтаря огня и маленькой лампадки, стоявшей у ее кровати.

Она была не одна в комнате; ее нахидское чутье по сердцебиению и дыханию определяли присутствие другого человека с такой точностью, как если бы она видела его своими глазами. Манижа, сбитая с толку, попыталась сесть, но только разбудила прежнюю боль в животе.

– Все в порядке, – заверил ее тихий голос. – Это всего лишь я.

– Рустам? – Манижа моргнула. Брат вернулся к ней неясными очертаниями – такими же, как у нее, черными глазами и яркой белизной его вуали.

– В данный момент Бага Нахид, – сказал Рустам. Он подоткнул еще одну подушку ей под голову и поднес дурно пахнущую чашку к ее губам. – Выпей.

Манижа подчинилась. Когда Рустам из Нахид лично заваривал тебе зелье, пить следовало, не задавая вопросов. Облегчение наступило почти мгновенно, и Манижа даже поперхнулась. Ее боли, отеки по всему телу, пульсации в голове – все это тут же прошло.

– Да благословит тебя создатель, – хриплым голосом сказала она.

Она выпила еще одну предложенную им чашку, но отрицательно покачала головой, когда он предложил ей маленькое блюдечко с нарезанным фруктом и простой хлеб.

– Я не голодна.

– Тебе нужно поесть, Ману. Ты ослабела телом. – Рустам потянулся к ее руке.

Манижа отдернула свою руку, прежде чем он успел к ней прикоснуться. Глаза его, как и всегда, были опущены. Рустам теперь редко смотрел в глаза кому-либо, а когда все же смотрел, то изо всех сил старался не отводить взгляда.

– Может быть, у меня нет твоих талантов, сестра, – снова заговорил он, – но я такой же Нахид, как и ты. Мне не нужно прикасаться к твоей руке, чтобы знать, что с тобой случилось.

И снова слезы обожгли ее глаза. Манижа не плакала много лет до рождения Джамшида.

– Ничего со мной не случилось. Я в порядке. Просто путешествие было тяжелым.

– Манижа...

– Путешествие было тяжелым, – повторила она свирепым голосом. – Ты меня понимаешь? И говорить тут не о чем. И знать тут нечего. Тебя никто не сможет обвинить в том, чего ты не знаешь.

– Мы с тобой оба знаем, что это не так. – Рустам щелкнул пальцами, и лампадка загорелась ярче, в комнате стало светлее, а по стенам запрыгали дикие тени. – Не носи это бремя в одиночестве. Это тяжело. Нести такое бремя.

– Мне не о чем тебе рассказать.

– Нет, есть! Ты не можешь исчезнуть на год и вернуться после...

Вся комната вздрогнула. Волна тепла накрыла их, пламя в алтаре огня воспарило ввысь, обожгло потолок, отчего трюки Рустама стали похожи на детские игры.

– Если ты продолжишь это предложение, то больше никогда не заговоришь, – предупредила она его. – Ты меня понимаешь?

Рустам выхватил пустую чашку из ее руки, его трясло. Его руки дрожали, когда ему было страшно – он не мог контролировать этот свой недуг, который год от года только усиливался. В присутствии Гассана он ничего не мог взять в руки, потому что его начинало трясти, а когда им приходилось появляться на каких-то публичных торжествах, он с помощью Манижи обвязывал себе запястья веревками, на свободно болтающихся концах которых было накручено несколько узлов, чтобы он мог ухватить их и таким образом контролировать себя.

А теперь дрожь у него вызвала Манижа. У нее не осталось выбора – глупо было с его стороны говорить открыто, так как у Гассана повсюду были глаза и уши... Но волна раскаяния тут же нахлынула на нее.

– Рустам, прости меня. Я только...

– Я понимаю, – резко сказал он. – Твои угрозы уже и есть ответ. – Он сжал и разжал кулаки, потом положил руки на колени, пытаясь обрести контроль над собой. – Я ненавижу это, – прошептал он. – Я их ненавижу. Ненавижу, что даже спросить у тебя не могу...

– Я знаю. – И теперь она взяла его за руку. – Можно я тебе задам вопрос?

– Конечно.

– Ты можешь добавить в свои молитвы то, о чем я не могу тебе сказать?

Рустам поднял взгляд на нее:

– Каждый день, сестра.

От той искренности, которую Манижа видела в его глазах, ей становилось только хуже. Она хотела сказать ему. Хотелось, чтобы он забрался к ней под одеяло, как это было в детстве, когда им хотелось плакать. Ей хотелось, чтобы кто-то другой из рода Нахид сказал ей, что все будет хорошо. Что Гассан падет, а она снова увидит сына. Что они отменят колдовство, совершенное ею, и вернуться в Дэвабад, где станут править вместе, как того заслуживает их семья.

Но ее младший брат выглядел ужасно. Рустама немного трясло, его бледное лицо приобрело желтоватую окраску. Синяки у него под глазами проявились так ярко, что казалось, будто его побили, к тому же он заметно похудел. Остальных частей его лица она не видела. Рустам так редко снимал свою вуаль, ей даже иногда приходилось напоминать ему, что, когда они вдвоем, он вполне может позволить себе это, и Манижа знала: дело тут вовсе не в благочестии. Он ушел в себя, чтобы спасти их жизни в Дэвабаде, отступал за любую стену, какая попадалась, уходил туда, где никто не мог к нему прикоснуться.

Одних только этих синяков вполне хватило бы, чтобы написать картину о страданиях ее брата в течение того года, пока она отсутствовала. Других свидетельств и не требовалось. Кости Рустама срослись, после того как головорезы Гассана поломали их, как затянулись раны, оставленные кнутом, и кислотные ожоги. Гассан никогда Манижу и пальцем не тронул. В этом не было нужды. Он давно уже понял, что приводить ее к покорности гораздо продуктивнее избиениями брата. Однако не все невидимые отметины Рустама были оставлены Гассаном. На запястьях Рустама была написана совсем иная история. Ее брат не раз пытался покончить с собой, но успешное самоубийство было трудноисполнимо для Нахида. Его последняя попытка – отравление – была сделана много лет назад, и именно Манижа вернула его к жизни. Он умолял ее позволить ему умереть. Она упала на колени, умоляя его не бросать ее.

Тогда она плакала в последний раз до рождения Джамшида.

Она не стала дальше давить на Рустама. Напротив, Манижа попыталась придать своему лицу более спокойное выражение.

– Ты не можешь попросить кухню приготовить мне немного имбирного чая? – спросила она. – Я думаю, это успокоит мой желудок, и я смогу поесть.

Он вздохнул с облегчением. О да, она знала выражение на лице целителя, радующегося тому, что наконец-то перед ним стоит ясная задача.

– Конечно. – Рустам поднялся на ноги, потом пошарил в карманах своего одеяния. – Я принес тебе кое-что. Я знаю, ты любишь, чтобы оно оставалось невидимым, но я подумал... Я подумал, что это даст тебе некоторое утешение. – Он положил ей в руку маленький твердый предмет, сомкнул ее пальцы вокруг него и только после этого отошел от Манижи. – Пусть пламя ярче горит для тебя, Ману.

Сердце Манижи екнуло. Она знала, что держит в руке.

– И тебе желаю того же, дорогой.

Он ушел, поклонившись ей, а Манижа снова вернулась в кровать. И только когда услышала, как закрылась дверь, она приглушила пламя, погрузив комнату в прежнюю полутьму.

Потом она надела на палец древнее кольцо, которое он положил ей в ладонь. Кольцо это повидало всякое. Манижа помнила все его вмятинки и царапинки, потому что ни одному другому предмету не уделяла столько внимания, сколько этому кольцу, которое хранило единственную надежду на спасение для ее племени.

– Пожалуйста, вернись, – прошептала она. – Пожалуйста, спаси нас.

Дарийя

Эти события происходят год или около того спустя после предыдущей главы и содержат спойлеры ко всем трем книгам.

Женщина-джинн взяла один из только что выстиранных бинтов за самый край, словно собиралась вытрясти из него паука. Улыбка появилась на ее лице.

– Это что – шутка?

Дарийя посмотрела на бинт. Ей он показался вполне пригодным, она его вычищала в такой горячей воде, что у нее кожа на руках потрескалась. Потом она высушивала его на солнце.

– Не понимаю, госпожа, – сказала она, стараясь говорить как можно более испуганным голосом. Она ненавидела такое поведение, но давно уже приучила себя смирять тон, разговаривая с этими демонами. Ничто джинны не любили так, как возможность вернуть «грязную кровь» на ее место.

– Они все еще влажные. Ты знаешь разницу между сухим и влажным? Если я уберу их в таком виде, они заплесневеют. И если ты не хочешь объяснять Бану Маниже, почему в ее кладовке растет плесень, ты сейчас пойдешь и выстираешь их заново.

Женщина бросила бинт Дарийе. Та схватила его и в отчаянии посмотрела на всю принесенную ею партию стираного белья. Предполагалось, что это ее последняя корзина, и теперь ее отпустят домой.

– Может быть, я посушу их еще немного на солнце, – предложила Дарийя. – Я только что сняла их с веревки, клянусь вам. Они не...

Ударом ноги женщина-джинн перевернула корзинку с бинтами, и те разлетелись по полу кладовки. Впрочем, пол был чистый – ни одному из помещений лазарета, как и ее наводящим ужас обитателям, не позволялось быть нечистыми. Маленькая армия слуг-шафитов, в которой состояла и Дарийя, дни и ночи подметала полы, стирала белье, подтирала пролитое. Магипациенты внутри – ничего не говоря о белоглазых костоломах, которые их обслуживали, – не могли находиться в антисанитарных условиях ни одну минуту.

Интересно, знают ли они, что слугам, которым они доверяют содержание их комнат в такой чистоте, каждый раз в дождь приходится идти по району шафитов, затопленному сточ-

ными водами. Интересно, важно ли им это или нет. Впрочем, ничто из этого не имело значения. Правила лазарета не подлежали обсуждению.

Дарийя поклонилась:

– Да, госпожа.

С этими словами она собрала с полу бинты и вышла.

День стоял мучительно великолепный, небо было ярким и голубым с драгоценными цветными пятнышками певчих птиц, которые сонно щебетали в кронах деревьев. Но Дарийя, выходя из лазарета, замотала шарфом нижнюю часть лица и пошла по безлюдным тропинкам, которые вели к каналу. Лучше всего было не привлекать к себе внимания, когда ты во дворце одна, сама по себе: немногие из джиннов пришли бы на помощь девушке-шафитке. Такая опасность была одним из рисков, на которые приходилось идти, соглашаясь на работу во дворце, на сделку, которую ты была вынуждена заключать, если хотела получить сравнительно неплохое жалованье, предлагаемое дворцом.

Риски, которые тревожили Дарийю, становились все более многочисленными. В начале своей работы во дворце она прислуживала королеве Саффие и ее маленькому сыну, наследнику трона джиннов. Королева была любезной и доброй, она принадлежала к тем редким джиннам, которые давали себе труд запоминать имена и заботиться о безбедном существовании их прислуги из шафитов. Дарийя чувствовала себя тогда в безопасности – никто не смел прикоснуться к девушке, которая носила цвета королевы.

Но королева умерла, и Дарийя сомневалась, что ее новые хозяева, Нахиды, хотя бы заметили новое лицо среди их прачек из шафитов, уже не говоря о том, чтобы позаботиться о ее безопасности. Или даже о ее жизни. Шафиты знали о разных опасностях, грозивших тем, кого влек Дэвабад, но одна из них была сильнее всех остальных.

Избегай черноглазых джиннов, тех, которые называют себя дэвами.

Страшные истории рассказывали про этих дэвов, которые будто бы жили отдельно от других джиннов и почитали огонь, а не бога. Дарийю предупреждали, чтобы она никогда не встречалась взглядом с дэвами, никогда не говорила в их присутствии, если к ней не обратились, и никогда, ни при каких обстоятельствах не прикасалась к ним – шафиты теряли руку и за меньший грех. А ее новые хозяева Нахиды не только были дэвами – они были еще и главными из дэвов. Последними из древней династии, которая, как говорилось, вела войну на уничтожение шафитов, сражалась армией воинов, сила которых была умножена колдовством, воинов, которые могли одновременно выпускать по шестьдесят стрел и хоронить заживо целые города.

Дарийя не была уверена, что верит всем слухам, в конечном счете этот город был городом лжецов. Но постоянного присутствия вооруженных солдат в лазарете – солдат, которые не отрывали враждебных взглядов от брата и сестры Нахид, пока те работали с пациентами-джиннами, – было достаточно, чтобы она задумалась: не пришло ли время подыскивать другую работу.

Берег канала, на котором они стирали белье, был пуст. Дарийя погрузила корзину в воду, а потом принялась вытаскивать из нее мокрые бинты и вешать на бечеву, натянутую между двумя деревьями, куда свободно приходили солнечные лучи. Несмотря на ее показное подострастие, она не собиралась во второй раз отскребать эти проклятые тряпки. Может быть, заплесневелые бинты помогают джиннам в их грязных намерениях.

Работала она быстро. Канал стал мрачным напоминанием о том, насколько она не принадлежит себе в Дэвабаде, о том, что она не желает здесь задерживаться. Когда Дарийя только начала работать во дворце, она чуть ли не плакала, видя быстрые темные воды, которые мчались по саду. В районе шафитов не было ни рек, ни ручьев, но здесь она наконец имела шанс.

В противоположность тому, что она позволяла думать о ней большинству людей, Дарийя сталкивалась с магией еще до того, как попала в Дэвабад с его джиннами.

Первое столкновение состоялось гораздо раньше – на берегах Нила, где одинокая маленькая девочка обзавелась самым необычным другом на всю жизнь. А потому, как только у нее появилась возможность, Дарийя помчалась к каналу. Она звала этого друга единственным известным ей способом, способом, который никогда ее не подводил: она кусала палец, пока тот не начинал кровоточить, а потом опускала его в холодную воду.

– Собек! – упрашивала она. – Пожалуйста... пожалуйста, услышь меня, старый друг. Ты нужен мне.

Но если Собек и слышал ее крики из этих далеких вод, то никак не откликнулся на них. Впрочем, не появлялся он и во всех остальных случаях, когда она звала его. Вероятно, он не мог. Он ведь все же был повелителем Нила, а она находилась в другом конце света от их Египта. И все же спасение такого рода по-прежнему посещало ее мечты. Мечты об озере, которое превращает бурные воды Нила в поток, поглощающий город джиннов. Мечты, в которых она стоит рядом с Собеком, и тот разрывает на части охотника за головами, который похитил ее, а с его крокодилийских зубов капает кровь.

– А есть такие джинны, которые могут превращаться в животных? – спросила как-то раз Дарийя у сестры Фатумы. Она и ее отец познакомились с Гуи Фатумой в первую неделю их пребывания в шафитском районе, куда их выкинул похитивший их охотник за головами. Эта женщина, урожденная дэва, была организатором среди шафитов и в особенности много внимания уделяла помощи новоприбывшим. Именно сестра Фатума рассказала им про обычаи города магов и предоставила их заботам небольшого египетского сообщества, которое приняло их двоих в свои дома.

Но когда разговор заходил о Собеке и магах, тут сестра Фатума ничем особым не могла их порадовать.

– Я слышала истории, которые рассказывают о джиннах ваши соплеменники, – отвечала она. – О том, что они поселяются в котах и крылатых змеях. Или о горячих ветрах, которые пролетают через кроны деревьев, и навязчивых криках, заманивающих потенциальных жертв на берега рек. Это другие джинны. Эти джинны больше похожи на нас, они считают себя потомками великого джинна, которого однажды наказал пророк Сулейман, мир ему. Предположительно они самые слабые из существ огня.

Дарийя запомнила, как охотник за головами быстро перенес их в Дэвабад на лодке, которая летела по песку и морю, она хорошо помнила свое первое впечатление о наводящем страх городе с его воспаряющими вверх стеклянными минаретами, рынками, где продавались мерцающие одежды и драконьи украшения.

– Эти джинны – слабейшие? – переспросила она.

– Это расставляет все на свои места, верно? – заметила тогда сестра Фатума. – О других существах я мало что могу рассказать. Много остается тайной даже для так называемых чистокровных ученых этого города. Может быть, в этом нет тайны для одного только бога.

В этих словах слышалось подспудное предостережение, дипломатическая попытка сменить тему. Но Дарийя, которой было необходимо найти выход из ее ситуации, не оставляла попыток.

– Я пересекалась с одним из них.

Сестра Фатума, разбиравшая корзинку с едой, уронила все на пол:

– Ты... что?

– Я пересекалась с одним из них у себя на родине, – гнула свое Дарийя. – У меня с самого детства был товарищ, дух в обличье одного из нильских крокодилов. Если бы я смогла вызвать его, то он наверняка вернул бы меня и моего отца домой. Он передо мной в дол...

Сестра Фатума выбросила вперед руку, чтобы накрыть рот Дарийи, ее карие глаза широко распахнулись в страхе.

– Дочка, если ты хочешь выжить в этих местах, ты должна забыть о том, что сейчас сказала. Бога ради... если какой-нибудь джинн узнает, что ты хочешь вызвать речного духа, тебя и твоего отца казнят на следующее же утро, если тебе повезет и удастся до этого утра дожить. Ты меня поняла?

Дарийя все прекрасно понимала. Она просто не слушала. Она все еще пыталась вызвать Собека. Но шли годы, а она все оставалась на земле этого убогого города, и ее надежды умирали медленной, мучительной смертью.

На прошлой неделе ее отец сказал ей, прикоснувшись ладонью к ее щеке:

– Твое лицо ничуть не изменилось с того дня, как мы оказались здесь. – Он теперь всегда говорил тихим голосом, поскольку то, что происходило с ними долгими ночами на их пути в Дэвабад, оставило шрамы на них обоих. – Может быть, ты будешь стареть, как стареют джинны. Может быть, бог подарит тебе долгую жизнь, как у них.

«Только этого мне не хватало – еще несколько веков отстирывать их окровавленное тряпье в канале». Дарийя знала, что шафиты сами устраивают свою жизнь здесь. Другого выбора у них не было. Они создавали семьи, рожали детей и делали, что положено делать, веря в справедливость, которая наступит для них в другом мире.

Но Дарийя хотела не этого.

Она подошла к влажному песку близ канала и опустилась на колени. Увидела свое отражение в водной ряби. Услышит ли ее Собек, если она отдаст больше крови? Если она сделает более глубокий надрез, достаточно глубокий, чтобы окрасить багровым цветом воды канала? Не уснет ли она на дне канала и не окажется ли дома, когда проснется?

«Ты имеешь в виду тот сон, который разобьет сердце твоего отца?»

Дрожь пробрала Дарийю. Нет, это был не выход. Она отступила от берега на несколько шагов, пытаясь отринуть охватившее ее отчаяние, которое, казалось, с каждым днем все сильнее давило на ее плечи. Постиранные бинты еще будут сохнуть какое-то время, но она должна уйти подальше от канала.

И потому она направилась к одному из немногих мест, которые доставляли ей удовольствие.

СЕМЕНА МЛУХИИ ОБОШЛИСЬ ДАРИЙИ В ДВА ЕЕ МЕСЯЧНЫХ ЖАЛОВАНЬЯ, эту сумму она аккуратно копила, откладывая понемногу каждую неделю, пока не набралось достаточно, чтобы отправиться на рынок к хитрому торговцу овощами, который контрабандой привозил семена из мира людей и продавал их втридорога своим ностальгирующим клиентам-шафитам. Услышав ее акцент, он попытался заполучить с нее больше обычного, но отказался от этой затеи, когда она показала ему острый как бритва кривой нож, который она купила, чтобы сечь листья, когда придет время собирать урожай.

Но вообще-то она была готова заплатить и больше. Она и ее отец столько потеряли: шутки, ходившие по их деревне, дом, в котором выросло не одно поколение их предков, шали и ковры, связанные ее матерью, шумную музыку на праздниках святых. Ничто из этого Дарийя не могла вернуть, но она могла приготовить отцу его любимую еду. Отец у нее был поваром получше, чем она – он был таким талантливым, что даже заслужил место на дворцовой кухне, – но любимый отцовский суп был настолько прост, что, имея все ингредиенты, Дарийя и сама могла его без труда приготовить. И хотя еда из родного дома могла показаться мелочью, она знала, как много это будет значить для него.

Потратив целое состояние на семена, Дарийя со всем возможным тщанием отнеслась к выбору места, где их посадить. Глаз у нее был внимательный – она выросла в фермерской деревне под присмотром самого повелителя Нила. И она нашла великолепное место... ну, вернее, типа того. В саду было одно место, которого все остальные, казалось, избегали: расположенная на внешней границе земли, отведенной для лазарета, цитрусовая роща из чудовищно

больших апельсиновых деревьев. Роща была настолько густой, что ветки, отягощенные грузом плодов и громадных бутонов в фазу цветения, образовывали непреодолимую стену. Но на восточной границе канал подходил к роще почти вплотную, образуя невидимый снаружи узкий треугольник близ угрожающих зарослей, и этот треугольник предлагал ей идеальные условия: изобилие солнечных лучей, влагу в достатке и недоступность для чужих глаз. Треугольник этот находился неподалеку от лазарета, и Дарийя без проблем могла ускользнуть в сад, чтобы подкормить свои посадки, даже если при этом ей и приходилось прятаться от садовников дэвов; только им и позволялось прикасаться к посаженным неподалеку лечебным растениям Нахид.

Поглощенная своими мыслями и ослепленная на миг после выхода из-под кроны могучего кедра ярким солнцем, Дарийя уже была почти у своих тайных растений, когда поняла, что она здесь не одна. На тучной почве, только что служившей домом для млухии, кусты которой уже доходили ей до талии, стоял на четвереньках садовник, облаченный в грязную робу с закатанными рукавами, обнажившими его золотистую кожу. На том месте, где росла млухия, которая стоила ей не одну неделю ее жалования и которую она так заботливо выращивала с первых нежных росточков, чей запах, напоминавший ей о доме, она жадно вдыхала в надежде, что подарок, который она сделает отцу, заставит его снова улыбнуться.

Кусты были безжалостно, с корнем выдраны из земли. Все ее труды и потраченные деньги лежали теперь на куче сорняков. Только один кустик оставался еще в земле, и на ее глазах руки садовника, который все еще не видел ее, потянулись к этому, последнему.

И тут здравомыслие – мудрость, которая заставляла ее опускать голову перед госпожой, одержимой сухостью выстиранных бинтов, и помалкивать о Собеке, – покинуло ее.

– Не трогайте это! – Она бросилась на руку садовника. Он подпрыгнул и удивленно развернулся к ней лицом... а потому рука Дарийи вовсе не ухватила его запястья, а с силой ударила по зубам. Он вскрикнул и отпрянул от нее, отчего приземлился на задницу в грязь.

Широко открытые черные глаза вперились в нее. Удар был настолько сильный, что сорвал вуаль с лица садовника и до крови рассек ему губу. Он смотрел на нее, полностью лишившись дара речи.

Рассеченная губа тут же стала зарастать на нем. Кожа сошлась над рассечением, зарубцевалась, и ранка на ее глазах исчезла, лишь несколько капелек белой крови осталось на его порванной вуали.

Вуаль... о господи. Во всем дворце был лишь один человек, который носил белую вуаль на лице и чьи раны моментально заживали.

Дарийя ударила по зубам самого Багу Нахида. Из-за млухии.

Ее рука в ужасе взлетела ко рту. Господи боже, что же она наделала? Что ей теперь – бежать? Для этих людей все шафиты были на одно лицо, и, если она убежит, Бага Рустам никогда не сможет ее опознать в толпе полулюдей, которые обслуживают его.

А если все же опознает. Если они придут за ее отцом?

Дарийя упала перед ним на колени.

– Простите меня, мой господин! – вскрикнула она на своем хромающем джиннском. Этот язык так плохо давался ей, а в особенности, когда она волновалась. – Если бы я... – о боже, как ей сказать «знала»? – Я вас не ударил, вы Нахид.

Недоумение свело его брови над переносицей. Дарийя явно говорила неправильно.

Она попробовала еще раз.

– Я не... видеть? «То ли слово?» – Не знать...

– Говорите на своем языке. – Джиннский Баги Нахида был четкий, неторопливый. – На вашем родном.

– На моем? – повторила она, разрываемая между неуверенностью и страхом. Но когда он кивнул, она переключилась на арабский, решив, что если есть хоть малейший шанс избежать наказания, то им стоит воспользоваться. – Простите меня, – повторила она куда как уверен-

нее. – Я не понимала, кто вы. Если бы я знала, я бы никогда не осмелилась прикоснуться к вам. Или помешать вам, – поспешно добавила Дарийя, вспомнив, что этот клочок земли, на котором она самовольно решила выращивать свои кусты, фактически принадлежал ему.

Бага Нахид наблюдал за ней, пока она говорила, переводил взгляд с ее рта на ее глаза, словно оценивая ее ответ.

– Значит, другого человека вы бы ударили?

Он задал этот вопрос на таком безупречном египетском арабском, что Дарийя подпрыгнула.

– Откуда вы... да нет, я не хотела, – быстро сказала она. Не время сейчас спрашивать, откуда доктор-солнцеклонник из другого царства знает египетский арабский. – Просто... эти кусты так драгоценны для меня. И когда я увидела, что вы хотите вырвать последний, я отреагировала, не отдавая себе отчета в том, что делаю.

Он прищурился. Господи милостивый, его глаза пугали ее, они были чернее угля, слишком черные, чтобы можно было считать их глазами человека. Ее пробрала дрожь, которую, если уж она началась, остановить было невозможно. Она попалась. Он убьет ее. Щелчком пальцев сломает ей шею, а то и того хуже – отдаст своей сестре. Люди говорили, что Бану Манижа любит ставить эксперименты на шафитах, что если она уж кого поймает, то будет заливать тому в горло яд, который расплавляет органы изнутри и истирает кости в порошок для ее снадобий.

– Простите меня, – снова прошептала Дарийя. Она по-прежнему стояла на коленях, опустив взгляд в землю. Как того требовали от шафитов джинны. – Пожалуйста, не убивайте меня.

– Убивать вас? Господи, откуда такие мысли? – Теперь в голосе Баги Нахида прозвучала нотка растерянности. – Просто вы застали меня врасплох. Я забываюсь, когда работаю в саду, и уж никак не ожидал нападения таинственной женщины, выпрыгнувшей из зарослей. – Краем глаза она видела, как он поднялся и принялся стряхивать землю с одежды. – Дайте я вам помогу.

Бага Рустам потянулся к ее руке, и Дарийя настолько удивилась этому его жесту, что позволила ему помочь ей подняться на ноги. Но когда она встала, то мгновенно сделала шаг назад и вырвала руку из его.

Целитель дэв казалось, не обратил на это внимания... или, может быть, если и обратил, то был привычен к подобным реакциям.

– Почему вы сказали, что они драгоценны? – спросил он.

Дарийя уставилась на него.

– Что? – Она все еще толком не осознавала того факта, что напала на одного из самых опасных людей в Дэвабаде. А вести с ним разговор о млухии – это вообще казалось ей за гранью добра и зла.

– Я говорю о растениях, которые я выпалывал. – Его арабский изменился, теперь он говорил на чистейшем диалекте и с акцентом ее деревни, и на нее это действовало абсолютно угнетающе. Она теперь вспомнила – кто-то говорил, что Нахиды владеют какой-то языковой магией, но то, что она слышала, теперь превосходило все ее самые невероятные предположения. – Почему вы сказали, что они драгоценны? – настаивал он.

Она решила, что не будет вреда, если она даст честный ответ.

– Это не сорняки. Это называется млухия. Я купила семена на рынке.

– И вы решили вырастить это в моем саду?

Дарийя вспыхнула:

– У вас здесь хорошая земля. Но я прошу у вас прощения. Я знаю, что не должна была это делать. Просто... мой отец тоскует по дому. И я подумала, что, если приготовлю ему его любимое блюдо...

Выражение его лица мгновенно смягчилось.

– Я понял. Что ж, не хочу губить нелегкий труд добросердечной дочери.

Рустам снова опустился на колени, запустил пальцы в темную землю, и она ожила.

Саженыцы выстроились вокруг его рук, обвили их бледно-зелеными щупальцами. Они стали расти так быстро, будто само время ускорилося, раскрывались листья, а стебли скоро уже высились над сидящим на корточках Багой Нахидом. Рот Дарийи распахнулся от удивления, когда вокруг них возникла клумба млухия, еще более сочной и высокой, чем прежде. Изумрудные листья щекотали ее руки.

– Ну, вот, – сказал Бага Нахид. Ему пришлось отбиваться от части стеблей, чтобы уйти. Листья цеплялись, клеились к его рукам и ногам, словно надоедливые дети. – Я надеюсь, это искупает мою неразборчивую прополку.

– Как вы... почему вы? – выдохнула она.

– У них оставалось достаточно корней. – Рустам отер руки о колени, потом пожал плечами, словно и не был только что творцом чуда. – Я чувствую, что это я должен спросить у вас «как». Чтобы посадить новое растение в моем саду, нужно быть чем-то гораздо большим, чем средним человеком.

Она испытала прилив гордости:

– Ну, как я сказала, у вас тут хорошая почва. Ничего, кроме обычных методов, и не требовалось.

– Обычных методов?

Неужели она и в самом деле разговаривает о садоводстве с Багой Нахидом? Дарийе уже пришла мысль, что она, может быть, ударила головой во время их потасовки, а теперь видит сон.

– Дома мы используем смесь пепла и лилий из застойных вод – это стимулирует рост растений. И, конечно, к земле мы примешиваем навоз.

Рустам нахмурился:

– Навоз?

Такой опытный садовод, как он, наверняка должен был знать, что такое навоз. Может быть, его языковые навыки все же не были такими совершенными, как ей показалось вначале.

– Помет животных.

Его глаза широко раскрылись.

– «Помет животных»? – повторил он. – Вы использовали помет животных рядом с моей апельсиновой рощей, чтобы выращивать свои семена?

– Так мы всегда делаем у меня дома, – возразила она. – Клянусь вам, у меня и в мыслях не было ничего неуважительного. Это повсеместно распространенный метод, о нем даже дети знают. Я бы никогда...

Рустам рассмеялся. Его смех был какой-то сдавленный, словно смеялся он редко, но этот смех совпадал с яркими искорками, загоревшимися в его слишком темных глазах. По его лицу расплылась улыбка, и Дарийя почувствовала, что краснеет еще сильнее.

– Помет животных... – не переставал дивиться Рустам. – Должно быть, у творца припасено для меня еще немало тайн. – Он снова поймал ее взгляд. – Кто вы?

Она медлила, размышляя, не назваться ли вымышленным именем. Наверное, лучше было бы остаться анонимом, но она поймала себя на том, что хочет сказать ему правду.

– Меня зовут Дарийя.

– Дарийя. А меня – Рустам, хотя, подозреваю, что вам это известно. – Его искривленные губы свидетельствовали о некоторой доле самоуничижения. – А где ваша земля, на которой из этого навоза растет млухия?

Дарийя не могла не ответить ему улыбкой:

– В Египте.

– Дарийя из Египта. – Рустам назвал ее имя так, словно оно было титулом, и, хотя такое произнесение каким-нибудь другим джинном прозвучало бы иронично, в его голосе она не услышала ничего, кроме тепла. – Я видел вас раньше. Вы прачка из лазарета, верно?

– Да. Но я удивлюсь, если вы скажете, что обращали на меня внимание раньше. Мы стараемся никому не попадаться на глаза.

– Я видел, как вы стираете белье в канале вместе с другими женщинами. У вас... у вас довольно запоминающаяся улыбка. – Он слегка зарделся, сказав это, а начав следующий вопрос, запнулся: – Вам... м-м-м... вам нравится ваша работа?

Нравится ли ей стирать тряпки для злобного джинна? Он у нее серьезно это спрашивает?

– Жалованье приемлемое, – ровным голосом сказала она.

Он хмыкнул:

– Дипломатический ответ. – Он помедлил, опустил глаза. – А не хотели бы вы работать лучше здесь, а не прачкой? Я имею в виду в саду. Для меня.

– Вы хотите, чтобы я работала в вашем саду?

– Что я могу сказать? Я заинтересовался этими методами, которые используют люди, я о них в полном неведении, а дитя человеческое так хорошо информировано. Кто знает, чему еще вы сможете меня научить.

Дарийя насторожилась. Бага Нахид казался довольно дружелюбным – он был гораздо добрее, чем в тех историях, которые она слышала, – но Дарийя на собственной шкуре узнала, что такое довериться джинну.

– Вы часто делаете такие предложения женщинам, которые пускают вам кровь?

Рустам поймал ее взгляд:

– Такого предложения я не делал никому.

Так. Сердце Дарийи забилось чуточку быстрее. Она даже подумала, что он слышит, как оно стучит. Люди говорили, что Нахиды способны на такое.

Люди говорили, что Нахиды способны на кое-что и похуже. Ее категорически предупреждали держаться подальше от священников мужского и женского пола из черноглазых дэвов. От тех, что под надзором ночью и днем, потому что они считаются очень опасными. А она теперь флиртовала с самим Багой Нахидом в его саду.

Люди столько всего говорили, и она часто думала – а сколько из них и в самом деле встречали кого-нибудь из Нахид?

Храбрость вернулась к ней.

– Я слышала, что ваш народ не любит таких, как я, – без экивоков сказала она. – И вы хотите, чтобы кто-то с человеческой кровью работал у вас в саду? А это позволено?

– Решать, кто работает в моем саду, – одна из немногих свобод, что у меня еще остались. – Его рот на мгновение исказила гримаса горечи, а сам он словно занервничал. Он взял свою вуаль, принялся возиться с бечевками. – Но только если вас интересует такая работа. Правда. Я не поставлю вам в вину, если вы откажетесь.

Отказ, видимо, был мудрым выбором. Дарийя не была ни молода, ни глупа, и, хотя он надел свою вуаль, она успела отметить румянец на его щеках. Стирать тряпки для злобного джинна было занятием отвратительным, но встречаться взглядом с Багой Нахидом казалось делом опасным на совершенно другом уровне.

«И ты собираешься вот так провести свои оставшиеся десятилетия? Века». Почувствовав себя немного смелее, Дарийя посмотрела на его руки, его длинные пальцы, испачканные землей, в которой он возродил млухию, а потом заглянула в черноту его мягких глаз.

Она глубоко вздохнула:

– Хотите супа, Бага Рустам?

Он моргнул:

– Что?

Дарийя провела рукой по кустам млухии.

– Вы довели их до стадии зрелости. Может быть, я смогу приготовить суп, из-за которого я и набросилась на вас, и мы сможем обсудить справедливое жалование?

В уголках глаз Рустама появились морщинки – он улыбался.

– Это будет восхитительно.

Хацет

Эти события происходят за два десятилетия до «Латунного города» и не содержат спойлеров.

Сеиф Шефали, казалось, исполнился решимости покончить с браком дочери еще до того, как он начнется.

– Выглядит он старовато, – сказал ее отец довольно громко, чтобы все слышали. – Старее, чем они говорили.

– Баба, да его и не видать совсем, – возразила Хацет. Их корабль еще не пришвартовался у призрачной набережной за пределами стен Дэвабада, и ее будущий муж был всего лишь крохотной фигуркой в черных одеяниях. – О его внешности отсюда невозможно судить.

– У меня превосходное зрение. Благодать, никому не нужная в этом несчастном логове туманов. – Сеиф шмыгнул носом. – Они хотя бы могли привести в порядок пристань к твоему прибытию.

Хацет и хотелось бы что-нибудь возразить, но город, с которым она связала свою судьбу, не встречал ее с приветливым лицом этим утром. Прежде она лишь один раз была в Дэвабаде, еще маленькой девочкой, и до сих пор с трепетом вспоминала туман, скрывавший остров. Его латунные стены сверкали на ярком солнце, зеленеющие горы служили задником для этого паразитического города с его тысячью башен и храмов. В тот раз Дэвабад показался ей самой сущностью магии.

Теперь Дэвабад был окутан таким саваном тумана, что Хацет даже не видела города, только слабый намек на его стены. Пустые пристани выступали из мглы, разломанные сваи торчали из воды или лежали, переломанные, на берегу, как брошенные мертвые тела. Не очень гостеприимный вид. Их песчаный корабль беззвучно прошел по неподвижной воде озера, и Хацет могла только представлять себе, насколько чуждым это цветастое судно должно было выглядеть на фоне невыразительной серости. Перед отплытием его разукрасили для торжества, для гордого провозглашения богатства и силы Аяанле. Поверхности корабля были позолочены, эта краска могла бы сверкать, будь на небе солнце, но теперь обрела желтый цвет опавших листьев. До нелепости дорогие шелковые паруса безвольно висели в безветрии, и герб ее народа и Аяанле не был виден.

Все казалось не таким, каким должно было выглядеть. Хацет крепче ухватила за корабельные поручни.

– Ты ничего не хочешь сделать, чтобы мне стало полегче.

– Я и не пытаюсь сделать тебе полегче. Я пытаюсь сделать так, чтобы ты отказалась от этой нелепой схемы. – Ее отец повернулся к ней лицом, озорство в его глазах сменилось озабоченностью. – Ты чужая в этом месте, дочка, и меня убивает мысль о том, что я должен оставить тебя здесь. Ты должна править Шефалой, а не этой голой дэвской скалой.

«Мне нужно нечто большее, чем Шефала». Но вслух Хацет этого не сказала.

– Повернуть назад невозможно, и ты это знаешь. Если я переменею свое решение сейчас, это станет таким ужасным оскорблением для гезири, что три века пройдет, прежде чем наш народ снова обретет здесь какое-либо влияние. – Хацет сжала его руку, пытаясь придать своему лицу выражение уверенности. – И ты, вероятно, помнишь, что этот выбор сделала я сама.

– Детям нельзя позволять делать выбор.

– Баба, мне уже сто лет.

Они оба замолчали, а сахрейнский экипаж уже приближался к берегу и начал готовиться к причаливанию. В животе у Хацет забурлило, когда корабль стукнулся о берег, и ей пришлось приложить усилие, чтобы не подпрыгнуть. Новый город и новый муж. Новое будущее на совершенно иной политической шахматной доске. С того мгновения, когда ноги Хацет коснутся этой земли, она перестанет представлять только себя. Она станет самой Та-Нтри, первой женщиной не гезири за тысячу лет, которая выходит замуж за короля Кахтани, и теперь судьба ее народа будет зависеть от ее возвышений и падений.

И теперь этот король был достаточно близко, чтобы его разглядеть. В месяцы перед отъездом из дома она потратила немало сил, чтобы как можно больше узнать о Гассане аль-Кахтани, и обнаружила, что его жизнь полна противоречий. Юность он провел в суровых горах Ам-Гезиры в качестве воина-кочевника, а потом участвовал генералом в кровавой войне его отца Кадера, подавлявшего восстания в Карт-Сахаре, после чего волею судьбы стал дэвабадским королем, чья жизнь проходила в несказанном великолепии, в роскошном дворце, который он покидал крайне редко. От жестокой войны к жестокой политике: сектантство Кадера было притчей во языцех, он возвышал только представителей племени гезири и запрещал религиозные праздники дэвов.

Насколько удалось узнать Хацет, Гассан прежде безропотно соглашался с отцовской политикой, но, став королем, многое изменил. Он говорил о необходимости соединения двух племен и подкрепил эту мысль действием, когда принял решение жениться на иностранке. О нем и в самом деле говорили, что он сблизился с дэвами в большей степени, чем это устраивало большинство джиннов. Он сидел на троне с изображениями шеду, как сидели уже несколько поколений королей Кахтани, но при этом запретил шафитам вступать в гильдии и запретил им ремесленнический труд, он по традиции нахидских королей держал своих женщин и семью в затворничестве. Ходили даже слухи, что Гассан собирается назначить своего следующего главного визиря из дэвов, пост которого с начала войны занимали аяанле, правда, сначала должна была состояться отставка нынешнего визиря.

«Это мы еще посмотрим». Но Хацет отложила планирование будущего на потом, чтобы лучше разобраться с королем, который стоял перед нею. Хотя седина уже посеребрила его бороду, Гассан вовсе не выглядел старым или, по меньшей мере, гораздо старше ее. Он был широкоплеч, производил впечатление человека, который хоть сейчас запрыгнет в седло и поскачет разгонять бунтовщиков, невзирая на свою изящную черную накидку и богатые одежды. Выглядел он... уверенно, настолько уверенно, что, как подозревала Хацет, эта уверенность могла легко перерасти в ярость. Она обратила внимание, что большинство придворных, окружающих его – исключая его улыбающегося каида в малиновом тюрбане, – держались в нескольких шагах от него и опускали глаза в землю.

Но когда Гассан встретился с ней глазами, поймав ее на том, что она разглядывает его, хотя Хацет и принимала меры, чтобы он не заметил ее пристального взгляда, улыбка, появившаяся на его лице, удивила ее. Улыбка эта была доброй, хотя и слегка озорной, словно они были не чужими людьми, а сообщниками, и от этого ее сердце екнуло, что было до смущения неподобающе для женщины ее опыта и положения. Хацет чуть не одолело искушение натянуть на лицо шейлу.

– Мир и благодать вам, – сказал Гассан аль-Кахтани, подойдя к ним, он потянулся к рукам ее отца и поцеловал его в обе щеки, словно они были старыми друзьями, а не королем и крайне озлобленным подданным. – Добро пожаловать в Дэвабад. Пусть ваш свет озарит мой дом, пусть вы найдете благодать в его стенах.

– Этой проклятой дэвской скале не помешает немного света, – мрачно сказал Сеиф понтарански.

Хацет незаметно под платьем пнула отца по ноге.

– Мир вам, мой король, – тепло сказала она на джиннском. – Замечательно, что я наконец здесь.

– Надеюсь, ваше путешествие не было слишком изнурительным. – Гассан восторженным взглядом посмотрел на их песочный корабль. – Да он у вас просто настоящий замок.

– Мы чуть не столкнулись с кораблем людей-пилигримов, они пересекали Тростниковое море, но для нас это было занятным приключением, а для них предположительно страшной историей.

– Не сомневаюсь, – с улыбкой сказал Гассан. Он повернулся к группе официальных лиц.

– Мунтадир, подойди. Присоединяйся к нам, – позвал он.

Группа мужчин расступилась, и Хацет впервые увидела этого мальчика. Она знала, что многие из ее родни надеялись, что когда-нибудь ее дети заменят его. Мунтадир был красивым мальчиком. Внешне он был зеркальным отражением отца, вплоть до переливающегося всеми красками тюрбана и до накидки с золотой каймой. Отсутствовали только обереги, а Хацет знала, что дети гезири часто носят обереги на шее. Мунтадир же носил воротник принца с жемчужными и рубиновыми украшениями. Ему было не больше одиннадцати-двенадцати – совсем еще маленький, вполне возможно, что он подчеркивал свою детскость, подойдя к ней в роли будущего пасынка, ребенка, которому нужна мать.

Но этот выбор не казался в нем преднамеренным или, по крайней мере, сделанным им самим – он представлялся ей слишком юным для подобных махинаций.

– Госпожа Хацет, господин Сеиф. – Мунтадир перевел взгляд на отца. Теперь, глядя на него вблизи, Хацет видела, что мальчик худ и довольно бледен, словно он редко выходит из дворца.

– Мир вам обоим.

– И мир тебе, эмир Мунтадир, – ответила Хацет. – Я рада с тобой познакомиться.

Взгляд Сеифа остановился на мальчике – этот взгляд вмещал и отцовскую тревогу, и печаль, и то вызывающее осуждение, которое, как хорошо знала Хацет, означало, что он собирается сказать что-то такое, чего лучше не говорить.

– Похоже, вашему сыну лучше было бы поиграть где-нибудь на солнышке, чем знакомиться на холоде с заезжими персонами.

В этих словах было нарушение протокола и помимо этого прямая критика родительского решения короля Дэвабада. Хацет закрыла глаза, и в этот миг ей захотелось, чтобы земля разверзлась под ногами ее отца и забрала его назад в Шефалу.

Но вместо этого разверзлись небеса, дождь перестал моросить, а полился потоками.

– Увы, солнце больше не светит, – сказал Гассан ровным голосом. Хацет открыла глаза и увидела, что Гассан держит Мунтадира за плечо. – Прошу, входите. Мой эмир и я не хотим, чтобы наши гости находились под дождем хоть на миг дольше, чем это необходимо.

К ТОМУ ВРЕМЕНИ КОГДА ОНИ ДОБРАЛИСЬ ДО ДВОРЦА, дождь хлестал с силой, соперничающей с силой муссонов Та-Нтри, и Хацет испытала чувство благодарности за то, что у нее есть предлог сразу же отправиться в хамам, даже если это даст ее отцу дополнительное время, чтобы добавить к прежним новые оскорбительные замечания в надежде, что их обоих вышвырнут из Дэвабада. Прислуга в бане была предупредительна и гораздо спокойнее, чем женщины у них дома, которые непременно стали бы поддразнивать ее в связи с приближающимся бракосочетанием. Хацет не забыла отблагодарить их теплом и золотом. Она не собиралась быть королевой, которая не приемлет власти, не сеющей страх.

Только-только успела она одеться, как раздался стук в дверь, и вошла прислужница.

– Моя госпожа, король просит вашего присутствия.

Это удивило Хацет:

– Уже? Я думала, мы встретимся только за обедом.

Женщина чуть склонила голову:

– Он ждет вас за дверью.

Ждет? Прямо здесь? Она занервничала. Не связано ли это каким-то образом с грубоватыми манерами ее отца? Хацет вдруг поняла, что слуги смотрят на нее, их взгляды – лишь малость из того множества, которое будет отслеживать каждый ее шаг до самой смерти. Может быть, такие вызовы имели какой-то смысл для них.

«Мне нужно будет обзавестись здесь союзниками. И в самом скором времени». Хацет придется разобраться, кому из слуг она может доверять. Кому из придворных, кому из секретарей. Кому из охранников, кому из министров. Любой политической успех, на какой она могла бы надеяться в Дэвабаде, будет зависеть от того, насколько широкую информационную сеть ей удастся сплести.

Она милостиво улыбнулась прислужнице, накинула шейлу на голову:

– Конечно.

Король ждал в маленькой крытой беседке. Его королевская накидка исчезла, но богато украшенный золотой кушак у него на поясе и дешдаша цвета полуночи с опалами на воротнике были не менее роскошны.

– Госпожа Хацет... – Гассан прикоснулся к груди с левой стороны. – Я надеюсь, хамам немного освежил вас? Я могу прийти и попозже, если вы все еще утомлены после путешествия.

– Я, слава всевышнему, вполне пришла в себя, – ответила она. – Ваш дом очень гостеприимен, мой король. И я должна добавить, что кофе, который варят у вас на кухне, поставит на ноги любого.

– Я рад услышать, что моя «проклятая скала» имеет некоторые приятные свойства.

Он повторил слова ее отца на безупречном нтаранском с почти незаметным акцентом, недостаточным для того, чтобы Хацет поморщилась.

– Я приношу извинения за дерзость моего отца. Он не очень рад расставанию с его единственным ребенком, но то, что он сказал о вашем сыне, было грубым и несправедливым.

В его серых глазах промелькнула какая-то эмоция, которую она не смогла определить.

– Это был рассчитанный ход, нужно отдать должное вашему отцу. Я могу многое дать Мунтадиру, но уж никак не беззаботное детство под солнцем. – Гассан встретился с ней взглядом. – Ни одному моему ребенку я не могу сделать такой подарок.

Это было предупреждение, и Хацет не могла спокойно пройти мимо него.

– Я так это себе и представляла. Хотя я в то же время считаю, что сердечный дом можно создать где угодно, было бы желание.

– Возможно, госпожа Хацет. – Он по-прежнему говорил по-нтарански, и Хацет находила в этом утешение. Она хорошо говорила по-джиннски, но для нее этот язык был языком бизнеса. Языком коммерции, управления и общения с иностранцами. Нтаранский был языком

для дома, что явно знал и король. Но Хацет достаточно долго была в политике и потому могла только приветствовать королевский жест, не забывая, однако, причин, стоящих за ним.

Гассан показал на широкую закругляющуюся и теряющуюся из вида лестницу, которую затеняли решетки со свисающими с них желтыми цветами.

– Я вообще-то надеялся поговорить с вами как раз об этом и без вашего отца, если вы позволите. Так вы в состоянии прогуляться?

Она, с одной стороны, насторожилась, а с другой – была заинтригована. Откровенно говоря, у них было очень мало оснований разговаривать до свадьбы – целая команда дипломатов, политических советников, финансистов, юристов и клериков от обоих их племен обговорила в мельчайших подробностях условия их брака, начиная от церемонии до контракта, который свяжет два их народа. Что такое хочет узнать король, чтобы это осталось только между ними двумя?

– Конечно, – вежливо сказала Хацет, стараясь, чтобы в ее голосе не прозвучала нотка озабоченности.

Они двинулись к лестнице. Король кивнул охраннику, но тот и без того не пошел следом, и через несколько мгновений они уже были одни. Хацет на ходу восторгалась дворцом. Замок их семьи был построен несколько веков назад на руинах, оставшихся после людей, но, когда основали Шефалу, Дэвабад уже считался древним городом, и все во дворце, казалось, свидетельствовало о его волшебном прошлом. Но когда они проходили мимо настенных картин, шли по следам первых Кахтани (не говоря уже о ее собственных предках), которые бродили этими коридорами и перестроили мир, Хацет казалось, что стоит ей закрыть глаза, и она услышит шепот легендарных Нахид.

То, что она увидела за лестницей, тоже ее не разочаровало. Со стен дворца Хацет могла видеть Дэвабад, раскинувшийся внизу и казавшийся отсюда таким маленьким. Племенные границы словно паутиной искромсали город на части, опутали жизни десятков тысяч.

– Дух захватывает, – сказала она.

– Это да, – согласился Гассан. – Я стараюсь хотя бы раз в день полюбоваться этим зрелищем. Впрочем, когда вы понимаете, что несете ответственность за все это, дух захватывает уже с меньшим удовольствием.

Она посмотрела на него украдкой. Гассан, на ее вкус, был далеко не красавцем, впрочем, Хацет подозревала, что несколько десятилетий назад от его подмигивания румянец проступал на лицах знатных дам. Теперь же его лицо говорило о стойкости и некоем классическом изяществе. Она оценила его сильный профиль, руки в тяжелых, усыпанных драгоценными камнями перстнях, покрытые мозолями, напоминавшими о десятилетиях его военной службы.

Он заговорил снова:

– Я слышал множество историй о вашей Шефале. Один архитектор принес мне чертежи, и я, вероятно, вызывал раздражение у множества путешественников из Аяанле в последние несколько месяцев, прося их рассказать мне о вашем доме и вашей персоне.

Хацет не осуждала его любопытство – она делала то же самое.

– И вы узнали что-нибудь интересное?

– Много чего. Но я пытаюсь осмыслить то, что узнал. Потому что из всего сказанного у меня складывается портрет умной, рассудительной благородной женщины с многообещающим будущим в стабильной идилической земле. – Гассан махнул рукой в сторону города внизу. – Может, мы и выйдем красиво, но, несмотря на все мои усилия, для описания Дэвабада я никогда не пользуюсь словами «идиллический» и «стабильный». А потому я думаю, госпожа Хацет... – Он повернулся к ней, заглянул в ее глаза. – Я спрашиваю себя, почему вы здесь.

Хацет прислонилась к низкой стене:

– Может быть, меня очаровали истории о вас, которые мне удалось найти.

Гассан рассмеялся сочным смехом:

– Старый вдовец с ребенком, беспокойный город и политическая жизнь, которая не даст вам ни секунды покоя... неужели об этом теперь мечтают молодые женщины?

– Меня трудно назвать молодой женщиной, и вы наверняка знаете, что до вас у меня были мужья. – «Мужья», вероятно, было не лучшим словом. «Консорты», наверное, прозвучало бы лучше – мужчины, с которыми она обменивалась простыми уверениями во взаимопонимании, были временными и незаметными. Многие женщины ее положения делали то же самое. Настоящий муж, человек с правильными политическими убеждениями, с которым она могла бы провести век своей жизни, был выбором не очень-то и привлекательным для джиннов. Приятельские отношения и желания могли быть мимолетными, и, хотя ей и нравились ее мужчины, расставания неизменно приветствовались.

– Да, я знаю, – задумчиво сказал он. – Хотя это не объясняет, почему вы приняли мое предложение. Я думал, что на вас, возможно, оказывают давление ваше племя или ваш отец, но теперь я вижу – это не так; он, кажется, готов чуть ли не выкрасть вас и увезти домой, а вы не кажетесь мне женщиной, поддающейся чьему-то давлению. Тогда почему?

Хацет разглядывала его. Среди сотни сценариев, к которым она приготовилась – враждебный пасынок, докучливый политик, отец, который и в самом деле похищает ее, – не было вопроса, поставленного напрямую самим королем, который хочет знать, почему она избрала этот путь. Зачем ему это? Он был влиятельным, уверенным в себе человеком, а Хацет из собственного опыта знала, что большинство таких мужчин считает: любая женщина будет счастлива их заполучить. Почему король джиннов сомневается в ее желании стать королевой?

Ведь этого хотят все женщины, разве нет?

Так или иначе, но он задал ей вопрос... И Хацет почувствовала желание ответить ему чем-нибудь не слишком банальным. Ей нравились его умные слова гораздо больше, чем следовало бы, потому что она еще на причале могла сказать, что это человек, который умеет завернуть истину в такую словесную обертку, что сам господь бог с небес не сможет разобрать ее истинного цвета.

И именно так дела и обстояли, разве нет? Потому что Хацет нравилось держать ухо востро во время этого разговора. Гассан не походил на ее консортов, которые были благодушными и так горели желанием угодить ей, что ей не удавалось поговорить с ними по-хорошему, не говоря уже о том, чтобы пооткровенничать. Ее жизнь в Шефале прошла бы, как и у всех остальных, в улаживании семейных дрызг и ведении дел с теми же коммерсантами и знатью, с которыми вел дела ее отец, а до него ее бабушка и прабабушка с прадедушкой. Это был тяжелый труд – достойный труд, – благодаря ему рынок работал, а ее народ не голодал, если муссоны приходили позже обычного. Но Шефала была малым городом.

Дэвабад же был ДЭВАБАДОМ. Другого такого города в мире не было. Здесь Хацет могла принимать решения, которые изменяли бы жизни десятков тысяч. И не только в городе, но и по всей земле. Решения, которые укрепляли власть и безопасность ее народа, как, например, продление пребывания аяанлеского джинна на посту великого визиря. Решения, которые были справедливыми, как, например, восстановление покровительства над шафитами, что когда-то и было главной причиной завоевания города их предками.

– Амбиции, – сказала она наконец.

Выражение удивления на его лице доставило ей удовольствие.

– Амбиции? – повторил он.

– Да. Истории о вас точны, мой король. Та-Нтри – идиллическая земля, а я подозреваю, что была бы счастлива властвовать здесь. Ни о чем другом я и не мечтала. А тут как раз совет коммерсантов принес мне ваше предложение, и я целую неделю ни о чем другом не думала. Я люблю Шефалу, но она несравнима с... этим, – сказала она, кивая в сторону огромного города, лежащего внизу перед ними. – Она не сердце нашего мира, невзирая на все развлечения и ужасы, которые она предлагает. У меня здесь будет масса возможностей изменить мир к

лучшему, встречаться с людьми и получать жизненный опыт, какой я и представить себе не могла у себя дома. Мне это показалось приключением, вызовом, мимо которого я не могу пройти.

Гассан, казалось, обдумывал услышанное.

– И, может быть, возможность, усилить влияние Аяанле?

Хацет обаятельно улыбнулась:

– Сделать предложение – это была ваша идея. Вы должны были знать, как мы примем его.

Он ответил ей улыбкой:

– Вы мне нравитесь. Я сказал моему каиду, что, по слухам, ваши речи умны, а он мне ответил, что для меня это будет даром божьим – иметь жену, которая не побоится ловить меня на моих глупостях. Я рад, что вы все же решили приехать, несмотря на желание вашего батюшки быть у меня шипом в боку.

– Он будет острым шипом. Но да... – осторожно добавила она. – Я тоже рада, что я здесь.

Гассан помолчал, а когда заговорил снова, всякие намеки на заигрывание исчезли из его голоса:

– Есть и еще кое-что – вы должны принять это, прежде чем дадите согласие на брак. И это вопрос гораздо более личный.

– И что же это?

– Для меня благополучие Дэвабада всегда на первом месте. Прежде всего я – король, а потом уже все остальное. А после этого? Я в первую очередь отец, а потом уже муж. Мунтадир – мой эмир, и это не может измениться. Даже если у нас родится сын. – В его глазах снова появился блеск эмоций, и, когда он заговорил, голос его смягчился. – Это мой долг перед ним за ту жизнь, которой он живет здесь.

Хацет обуздала свои реакции – мимо ее глаз не прошло жесткое выражение его губ. Началось сражение, к которому она подготовилась – она знала, что впереди ее ждет долгая, сложная война, хотя другие вряд ли будут знать о ней. Ведь ее соплеменники такие тугодумы. У нее, конечно, были надежды, но пока о них придется забыть.

Она выкинула из головы печальные глаза мальчика-эмира на причале:

– Я понимаю. Но я должна быть уверена, что все рожденные нами в браке женщины получают в равной степени защиту, богатство и безопасное будущее.

– Конечно. Они будут Кахтани.

«Они будут Кахтани».

Казалось, что такая судьба несет в себе столько же проклятий, сколько и преимуществ. Но она огляделась, и проклятия – такие, какими они были, – показались ей мизерными рядом с благами и возможностями. Она распрямила плечи.

– Тогда я согласна, мой король. – Сердце ее при этих словах екнуло, но согласие она дала. Хацет не покинула бы Та-Нтри, если бы не была уверена. То, что Гассан поговорил с ней об этом и предложил альтернативу, только укрепило ее убеждение.

– Я искренне удовлетворен. И, если позволите... – Гассан потянулся к ней, и она позволила ему взять ее за руку. – Я бы хотел показать вам кое-что получше.

Хацет удивленно вскинула брови.

Он издал сдавленный смешок, его щеки на миг потемнели:

– Клянусь вам, эти слова в моей голове звучали гораздо невиннее.

– Возможно, мой отец не так уж не прав в своем недоверии к вам, – подначила она его. Но позволила себе почувствовать благодать его тепла.

– Королевские апартаменты находятся на верхних уровнях зиккурата, – объяснил Гассан, когда они направились еще выше. – Подъем туда – либо отличный способ сохранить форму, либо акт покаяния, в зависимости от вашего настроения.

Хацет посмотрела вниз на зеленое пространство зарослей в самом сердце дворца:

– Неужели этот сад никому не нравится? Он так красив и, мне кажется, занимает самый центр дворцового комплекса.

– Я не знаю ни одного Кахтани, который чувствовал бы себя там комфортно, – сказал, пожав плечами, Гассан. – Вам еще предстоит узнать, что магия дворца может существовать сама по себе... и она не всегда в ладу с джиннами. Днем сад завораживает, он прекрасен, но я бы не отважился заходить в него по ночам, даже если рядом со мной Ваджед. И я уж не говорю о глупых историях, которыми обмениваются слуги. Это истории о том, что канал якобы является местом сбора маридов.

Хацет напряглась. У нее дома рассказываемые людьми истории о маридах вовсе не были глупыми, в них говорилось о безутешных семьях, которые, проснувшись, узнавали, что кого-то из их близких заманили в реку и утопили, на их телах с мертвыми глазами оставались кровавые отметины. Слава богу, такие трагедии случались редко, но все же достаточно часто, чтобы Аяанле имел совершенно, совершенно иное понимание маридов. Для них марида были больше, чем исчезнувший миф.

И они держали при себе это понимание – никто не хотел, чтобы какие-то чужаки начали вынюхивать всякие подробности о Та-Нтри.

– Это и в самом деле верхний уровень зиккурата, – просто сказала она.

Когда они поднялись на широкий простор вершины склона, расчерченного террасами, солнце наконец стало пробиваться сквозь тучи. У нее создалось впечатление, что когда-то – много веков назад – здесь были королевские апартаменты. Руины стен и разрушенные арки загромаждали поросшую сорняками площадку, словно торчащие из земли каменные пальцы. Нет, скорее не каменные, поняла Хацет. Это были кораллы, как человеческие замки у нее дома.

– Теперь нужно подождать, – прошептал ей в ухо Гассан, и она почувствовала тепло его дыхания.

В воздухе появился вихрь дымка, словно сверкающий черный песок заплясал в туманных стволах солнечных лучей. Запах обожженного дерева, аромат магии.

Площадка перестроилась. Коралловые стены окружили изящный комплекс зданий, возникший вокруг беседки, из которой открывался вид на город. Она мгновенно узнала эти здания, архитектуру приземистых башен с зубчатыми стенами наверху, не говоря уже о головокружительном чуде арок и маленьких куполов, идеально точно повторяющих человеческие руины в Шефали, волшебной силой преобразованные в дома джиннов. Сорняки и гниющие листья, забивавшие уличные вазоны, исчезли, вместо них появились зеленая трава и изящные нильские лилии, плавающие на поверхности воспроизведенных с зеркальной точностью прудов. Гостей приветствовал огромный баобаб над висячим садом, словно перенесенным сюда из Эдема... если только в Эдеме были растения и цветы характерные для Та-Нтри.

Мысли Хацет металась, она вдруг поняла, что сделала шаг. Мерцающая хлопковая материя багряного и золотистого цветов драпировала входы за жаровнями, на которых испускала свой аромат мирра. Это была дань уважения ее дому, измышленная художником, и она не знала, то ли дело было в долгом путешествии, то ли в ее неуверенности относительно избранного пути, но, повернувшись к Гассану, она почувствовала, что слезы просятся ей на глаза.

– Это было необязательно, – поспешила сказать она.

Ее реакция, вероятно, прозвучала грубо в сравнении с ее прежними выверенными словами, но Гассан казался скорее изумленным.

– Я хотел, чтобы у вас было здесь место, которое вы считали бы своим собственным, место, которое напоминало бы вам дом. – Он замолчал, но вскоре добавил более спокойным тоном: – Я жалею, что не додумался до этого для моей первой жены. Саффия всегда казалась такой потерянной, и, только когда она умерла, я понял, что она тосковала по берегам Ам-Гезиры, а драгоценности и парфюмы Дэвабада ее мало интересовали.

Хацет знала, что Гассан талантливый политик, но раскаяние, горчившее в его голосе, показалось ей искренним, зеркалом его эмоционального убеждения в том, что его наследником останется Мунтадир. И хотя такая преданность первой жене и сыну необязательно была многообещающим знаком для тех политических махинаций, на воплощение которых надеялись ее соплеменники, она хорошо говорила о человеке, женой которого Хацет вскоре собиралась стать, чью жизнь соглашалась разделить.

Он не обязан был делать это. Хацет происходила из семьи благородных коммерсантов, ее воспитывали в вере, что если для власти важны два фактора: золото и семейное имя, то купить эту власть может кто-то один. Ей одного взгляда хватило, чтобы оценить непомерность богатства, необходимого для сотворения такого прекрасного места, но она знала также, что Дэвабад и финансовая стабильность не есть синонимы – на самом деле она была богаче ее мужа. Гассан мог легко оснастить крыло дворца накопленными королевскими сокровищами, которые уже лежали в его хранилищах, но он предпочел заплатить за что-то новое. За дом уникальной архитектуры, предназначенный для нее.

И он показал ей этот дом уже после того, как она дала согласие. Хацет посмотрела на него с кривой улыбкой.

– И что бы вы стали делать, если бы после нашего разговора я вернулась на корабль отца?

– Встал бы на колени перед министерством финансов и молил о прощении?

– Тогда я избавлю вас от такого унижения. Это прекрасно, – сказала она, снова беря его под руку. – Правда, для меня это значит больше, чем я могу выразить словами.

Он накрыл ее пальцы своими.

– Тогда игра стоила свеч. Я надеюсь видеть вас здесь счастливой, госпожа Хацет. Я не сомневаюсь, что двор, знатные семьи, которые находятся здесь со времен Анахид, будут оказывать на вас давление, – сказал он с демонстративным дивастийским акцентом. – Но я благословляю вас придерживаться тех традиций, которые вам по душе. Я надеюсь, настанет время, и мы услышим детский смех из этих покоев, а потом они станут для нас обоих утешением.

«Они будут Хахтани». Его слова – его предупреждение? – снова мелькнули в ее мозгу. Она попыталась прогнать их.

– Могу я показать это место отцу? – спросила она. – Я думаю, ему будет приятно.

– Пожалуйста. Но сначала... У меня есть еще один аттракцион Дэвабада. – Гассан заговорщически подмигнул ей. – Вы встречались когда-нибудь с Нахидом?

КОГДА ОНИ СДЕЛАЛИ ПОВОРОТ К ЛАЗАРЕТУ ПО ПЕТЛЯЮЩЕЙ ТРОПИНКЕ, их встретил негромкий смех, вызвавший усиливающееся тепло в груди Хацет. Пока они шли по извилистым тропинкам сада, Гассан смешил Хацет, он был настолько агрессивно обаятелен в своих комплиментах в ее адрес и в непритязательных детских анекдотах, что она принялась дразнить его за это. Небо теперь полностью очистилось от туч, и сад гарема казался теперь безобидным в своей красоте. Да, конечно, обезьяны, которые раскачивались на ветках, имели клыки и когти, острые, как бриллианты, и да... какой-то торчащий из земли корень чуть не ухватил Гассана за ноги, когда тот аккуратно обходил его, но Хацет была джинном, и, чтобы напугать ее, требовалось что-то посерьезнее.

Когда они проходили мимо цитрусовой рощи с громадными апельсиновыми деревьями, смех стал громче, он сопровождался разговором на языке, который показался Хацет с ее ограниченным слухом диалектом арабского; она так толком никогда и не освоила этого священного языка людей – только в той мере, какая ей требовалась для молитв. Видимо, поблизости разговаривали садовники-шафиты... хотя чрезмерно игривые нотки голосов – нотки, которые не нуждались в переводе, – наводили на мысль, что работа сегодня далеко не продвинется. Хацет собралась было предложить Гассану деликатно пойти по другой тропинке, но тут они вышли на купающуюся в солнечных лучах полянку, на которой увидели парад всех красок

мироздания. Поляна была покрыта цветами: колонны серебряных и светло-красных розовых кустов были выше ее ростом, шафрановая рудбекия росла ухоженными купами чуть в стороне от фиолетовых ирисов, желтых нарциссов и ярко-красных маков.

Полянка не была безлюдной. Но человек, которого первым увидела Хацет, удобно сидел с этюдником на коленях и вовсе не был арабоязычным садовником, как предполагала она. Покрой его брюк и черные большие глаза на бледном лице свидетельствовали о том, что перед нею дэв. Увидев их, он вскочил на ноги, уронил альбом, чтобы прикрыть лицо белой шелковой вуалью, которая до этого висела у него на одном ухе.

Хацет удивленно моргнула. Белая вуаль – но не может же быть... Она посмотрела на его хихикающую собеседницу. Эта женщина явно была шафиткой, ее закругленные уши и пепельно-серая кожа определенно свидетельствовали о человеческом происхождении. Молодая женщина улыбалась, когда они появились на полянке, но при виде королевской пары улыбка сошла с ее губ.

– Бага Рустам... – раздался удивленный голос Гассана. – Отдыхаем?

– Мой король. – Бага Рустам быстро встал между Гассаном и шафиткой. – Простите меня, я не слышал, что вы идете.

– Тут нечего извиняться, – великодушно ответил Гассан. Он наклонился поднять альбом, оброненный Рустамом. – Довольно хорошенькая, – заметил он, едва взглянув на женщину, наполовину скрытую фигурой Баги Нахида. – Я рад, что ты в такой прекрасный день проводишь время на природе, а не прячешься в своих комнатах.

Он вроде бы по-дружески похлопал Рустама по плечу, и Хацет отметила, как дэва покоробило от этого жеста.

– Д-да, – ответил Рустам с дрожью в голосе.

– Познакомься с нашей следующей королевой, – сказал Гассан, подталкивая его к Хацет, которая улыбнулась дрожащему Нахиду, чтобы он раскрепостился. – Госпожа Хацет, это Бага Рустам из Нахид.

Рустам стоял, не отрывая глаз от земли:

– Пусть огни горят ярко для вас.

Хацет вопросительно посмотрела на Гассана, который в ответ только пожал плечами.

– Вот такой уж он, – сказал Гассан по-нтарански.

– Рада познакомиться с вами, Бага Рустам, – любезно ответила она. – Я надеюсь, мы не оторвали вас и вашу... – Хацет повела глазами, но шафитка исчезла. – Компаньонку.

Рустам стрельнул в нее взглядом, и она увидела глаза такой темноты, что чуть не сделала шаг назад.

– Она мне не компаньонка.

– Верно, – непочтительно проговорил Гассан, явно хорошо знакомый с эксцентричностью характера Баги Нахида. Он слегка подтолкнул Рустама в плечо. – У тебя скальпель с собой?

Лицо Рустама перекосило.

– Нет, – сказал он охрипшим голосом.

Гассан вытащил ханджар из ножен на поясе.

– Тогда используй это. Покажи ей свои способности. – Гассан улыбнулся Хацет. – Посмотри-посмотри. Ты такого еще не видела.

Хацет переводила взгляд с одного на другого, ей было неловко и любопытно одновременно. Пальцы Рустама сомкнулись на рукояти. Он несколько долгих мгновений смотрел на оружие, а потом одним резким движением вскрыл вену на запястье.

Хацет вскрикнула и тут же бросилась ему на помощь. Черная кровь хлестала из раны, просачивалась через пальцы Рустама на цветы. Но пока Хацет искала что-нибудь, чтобы перевязать рану, та на ее глазах стала затягиваться. Кожа сошлась, сшилась через секунду, не оставив даже шрама.

– Правда, невероятно? – не сдержался Гассан.

– Что здесь происходит? – раздался женский голос за их спинами.

Потерявшая дар речи после увиденного, Хацет вздрогнула, увидев другую женщину, быстрыми шагами входящую на полянку. Она была дэва приблизительно возраста Хацет, но гораздо более миниатюрная, с преждевременной сединой в кудрявых волосах и усталыми морщинами в уголках вокруг хищных глаз. Ее помятая одежда была испачкана сажей и кровью.

Во внешности растрепанной женщины-дэвы не было ничего устрашающего, но когда она посмотрела на Багу Рустама, который все еще держал в руках ханджар с его кровью, даже воздух в саду, казалось, замер, словно в призрачном предштормовом затишьи, часто встречающемся в тропиках.

– Бану Манижа, – приветствовал женщину Гассан, в его голосе послышался холодок. – Каким удивительным бывает твой выбор времени, когда ты этого хочешь.

Манижа проигнорировала саркастическое замечание короля, она смотрела только на брата.

– Рустам, лихорадка у Сайида Куслови не реагирует на лечение. Мне нужно, чтобы ты изготовил более сильный тоник.

Рустам стрельнул глазами в Гассана, и король махнул рукой:

– Иди.

Бага Нахид исчез с такой скоростью, будто растаял в воздухе. Оценивающий взгляд его сестры переместился на Хацет, и Хацет заставила себя выдержать его.

«Значит, вот она какая – легендарная Бану Манижа». Бану Нахида, о которой Хацет выслушала столько историй, столько предупреждений. Предупреждений, на которые можно было легко закрыть глаза, отнестись к ним как к сплетням или нагнетанию страхов, пока Хацет не оказалась перед этой женщиной, излучавшей волю, как никто другой из тех, кого она знала. Она видела мертвых акул, в глазах которых было больше эмоций, чем сейчас у Манижи.

Но Хацет была дипломатом.

– Мир вам, Бану Нахида, – вежливо сказала она. – Для меня большая честь...

Другая женщина оборвала ее:

– Вы чем-то больны?

Такой неожиданный вопрос застал Хацет врасплох.

– Нет.

– Хорошо. Если заболете или забеременеете, пожалуйста, сразу же ко мне. Я не хочу рисковать: если вы вдруг умрете – обвинят меня. Опять. – Манижа презрительно посмотрела на Гассана – на королевском лице расцветала ярость. – Я получила ваше приглашение на сегодняшнее... торжество.

– На мой обручальный обед, – поправил он. – Пир в честь вашей будущей королевы.

– Да, верно, – проговорила Манижа. – Только меня не будет. У меня с братом пациенты. Не сказав больше ни слова, Манижа развернулась на каблуках и исчезла.

У Хацет пересохло во рту. Так. Ходили слухи, что между этими двумя был роман. Или ревность. Или Бану Нахида вынашивала романтические планы касательно Гассана. Она знала, что такое любовь, сменившаяся разочарованием. Тут дело в чем-то другом. Вино может превратиться в уксус.

Здесь она слышала остроту. Видела ненависть, чистую и беспримесную. И Хацет вовсе не была уверена, что у нее есть основания в чем-то винить Манижу после тех дьявольских дел, уж что это были за дела, когда Гассан подначивал Рустама разрезать запястье ножом.

– Мои досточтимые Нахиды, – ехидно сказал Гассан, не обращая ни к кому конкретно. – Не пугайтесь. Если понадобятся их услуги, уверяю вас, их манеры сиделок сильно улучшатся.

Хацет попыталась представить, что эта злобная женщина сидит у ее кровати, когда ей пришло время рожать, и быстро исключила такую возможность. Если она забеременеет, она напишет в Шефалу и попросит прислать ей какую-нибудь повивальную бабку из дома.

Вот только опасность для ее детей не сойдет на нет после их рождения. Рождение будет только началом. Хацет внезапно вспомнила слова, сказанные ей отцом в Та-Нтри, когда он начал по-новому видеть предложение Гассана:

«Не ввязывайся в чужую войну, дочка. Ты не знаешь о том насилии, свидетелем которого был Дэвабад. Ты не понимаешь вражду, которая существует между Кахтани и Нахидами».

И, как обещал Гассан, как он предупреждал...

Их дети будут Кахтани. И Хацет уже ответила согласием.

Мунтадир

Эти события происходят приблизительно за семь лет до событий, произошедших в «Латунном городе», и содержат спойлеры только к этой книге.

– Диру. – Чья-то рука потрясла его за плечо. – Диру.

Мунтадир аль-Кахтани застонал, зарылся лицом в подушку:

– Уйди, Зейнаб.

Миниатюрное тело его сестры рухнуло рядом с ним, кровать сотрясло, и боль с новой силой запульсировала в его голове.

– Вид у тебя ужасный, – весело проговорила она, убирая прилипшие к его щеке волосы. – Почему ты так потеешь? – Она вскрикнула шокированно и довольно испуганно. – Неужели ты пил?

Мунтадир прижал шелковую подушку к ушам.

– Ухти¹, для твоих игр еще слишком рано. Почему ты в моей спальне?

– Ничуть не рано, – возразила она, проигнорировав более важный – по крайней мере для него – вопрос. Руки Зейнаб прошлись по телу Мунтадира, щекоча его. Она рассмеялась, когда он попытался вывернуться. Но потом ее пальцы резко замерли, сомкнулись на чем-то, лежащем рядом с его головой.

– Это что – сережка? Диру, почему в твоей кровати женская сережка? – В ее голосе зазвучала взволнованная нотка. – Слушай, а эта сережка уж не той ли новенькой из Бабили – той, которая поет?

В мгновение неожиданной паники Мунтадир выпростал руку и провел ею по пространству матраса. Он вздохнул с облегчением, когда убедился, что там пусто. Владелица сережки, вероятно, ушла. И слава богу. Ему вовсе не хотелось, чтобы ее увидела его тринадцатилетняя сестра, любительница посплетничать.

Он перекатился на другую сторону, прищурился в темноте. Слуги Мунтадира знали, что до пробуждения эмира, пока он не проснется после одного из своих «вечеров», занавеси на его окнах должны быть закрыты, а потому он видел Зейнаб смутными пятнами: ее серо-золо-

¹ Ласкательный термин, означающий «моя сестра» (араб.).

тистые глаза на маленьком темном лице, ее озорную улыбку... затейливую сережку-джумку в ее пальцах.

– Дай-ка это мне. – Мунтадир выхватил сережку из руки Зейнаб, что вызвало ее новый смешок. – Ну, чтобы хоть какая-то польза от тебя была, – принеси мне воды.

Продолжая посмеиваться, Зейнаб спрыгнула с кровати, взяла графин голубого стекла, перелила часть его содержимого в белую нефритовую чашку, скорчила гримаску.

– Почему у нее такой забавный запах?

– Это лекарство для моей головы.

Она вернулась к кровати, протянула ему чашку.

– Ты не должен пить вино, ахи². Это запрещено.

– Много чего запрещено, пташка.

Мунтадир осушил чашку. Он был плохим примером для сестры, но вчерашняя попойка, по крайней мере технически, шла на пользу его королевству.

Зейнаб закатила глаза:

– Ты знаешь, что я ненавижу, когда ты меня так называешь. Я уже больше не ребенок.

– Да, но ты по-прежнему порхаешь повсюду, слышишь и видишь то, что не имеет к тебе никакого отношения. – Мунтадир погладил ее по затылку. – Высокая пташка, – поддразнил он ее. – Если вы с Али и дальше так будете расти, то оставите меня далеко позади.

Она снова рухнула на его кровать.

– Я пыталась его увидеть, – посетовала она мрачным голосом. – Ваджед привел кадетов из королевской гвардии на тренировку. Я пошла на арену, но абба заставил меня уйти. Он сказал, что это «неподобающе», – последние слова она добавила после паузы, обреченно махнув рукой.

Мунтадир заговорил сочувственным голосом:

– Ты взрослеешь, Зейнаб. Ты не должна находиться среди всех этих мужчин.

Зейнаб сердито посмотрела на него:

– От тебя несет вином. У тебя в постели сережка какой-то дамы. Почему это ты делаешь, что твоей душе угодно, а я больше и носа не могу высунуть из гарема? Если бы мы вернулись в Ам-Гезиру, я бы могла гулять, где хочу. Наша родня так все время делает!

– Но мы не в Ам-Гезире, – сказал Мунтадир. Он во многом был согласен с Зейнаб, но сейчас не хотел обсуждать с ней архаичные традиции Дэвабада. – Здесь все устроено иначе. Люди начнут говорить.

– Ну и пусть говорят! – Зейнаб сжала пальцы в кулаки и принялась молотить по стеганому одеялу под ней. – Это несправедливо! Мне скучно. Мне даже больше не допускается сходить в базарный парк в Квартале Аяанле. Этот парк был моим любимым местом. Амма каждую пятницу водила меня туда посмотреть на животных. – Ее нижняя губа задрожала, отчего она теперь стала казаться младше своих тринадцати лет. – И Али тоже.

Мунтадир вздохнул:

– Я знаю, ухти. Мне жаль... – Зейнаб отвернулась, пряча слезы от брата, а Мунтадир тяжело вздохнул. – Хочешь, я тебя возьму с собой? – предложил он. – Меня никто не остановит. Мы по пути можем зайти в Цитадель и прихватить Ализейда.

Лицо Зейнаб мгновенно посветлело.

– Правда?

Он кивнул:

– Я прикажу, чтобы нас сопровождал особо малый отряд зульфикари для обеспечения нашей безопасности. Если только ты пообещаешь разобраться с болтовней Али. Иначе он, вероятно, весь день будет мучить нас рассказами об истории парка. Или о том, где они находили животных. Или еще бог знает о чем.

² Братец (араб.).

– Договорились. – Она снова улыбнулась, и все ее лицо засияло. – Ты хороший брат, Диру.

– Стараюсь. – Он кивнул на дверь. – А пока ты дашь мне еще поспать?

– Это невозможно. Абба хочет тебя видеть.

Настроение Мунтадира мигом испортилось.

– По какому поводу?

– Я не стала спрашивать. Он выглядит раздраженным. – Она наклонила голову. – Тебе лучше поторопиться.

– Понятно. Спасибо, что сразу же мне об этом сообщила. – Его сестра только рассмеялась, услышав его саркастическое замечание, и он вздохнул, выпроваживая ее. – Давай, гуляй отсюда, смутьянка. Дай мне одеться.

Зейнаб исчезла, и Мунтадир поднялся с кровати, ругаясь себе под нос. Он не собирался встречаться с отцом до вечера – если бы он знал, что отец позовет его в такую рань, то не напился бы вчера.

Он плеснул себе в лицо розовой воды, потом отер рот и провел руками по волосам, по бороде, пытаясь привести их в божеский вид. Он сменил свою помятую изару на крахмальную дишдашу с рисунком голубых бриллиантов и поспешил прочь, на ходу наматывая тюрбан на голову. Руки и ноги казались ему тяжелее обычного, его измученное тело противилось той скорости, с которой его вынуждали двигаться.

Добравшись в конечном счете до дворцовой арены, Мунтадир принялся подниматься по лестнице, ведущей на платформу обозрения, делал он это с большой осторожностью, ставил одну ногу впереди другой, стараясь скрывать свое похмельное состояние. Гассан был бы недоволен, если бы увидел, как его покачивает, словно новорожденного каркаданна.

Беседка, из которой открывался вид на дворцовую арену, стояла в тени под ярким тентом из золотисто-черного шелка и густо посаженных высоких папоротников в вазонах для защиты дэвабадской королевской семьи и их преданных вассалов от безжалостного послеполуденного солнца. С полдюжины слуг размахивали пальмовыми веерами, смоченными водой. Они окунали веера в фонтан с заколдованным льдом, а потом принимались обмахивать затененное пространство.

Мунтадир, тяжело дыша, остановился перед тканой аркой, он втягивал в себя воздух с привкусом дымка благовоний, пытался уgomонить колотящееся сердце. Вязкая горечь наполнила его рот – вино, выпитое вчера вечером, давало о себе знать. Впрочем, это не имело значения. Как бы идеально он ни выглядел, Гассан видел его насквозь. Его отец взглядом мог вскрывать человека, анатомировать его, пока тот корчился, словно червяк. И этот взгляд он довел до совершенства, обращая его на старшего сына.

По крайней мере, сегодня Мунтадир сможет нейтрализовать его некоторой полезной информацией. Он взял себя в руки и откинул в сторону тонкую ткань на входе.

Свет, заставивший его поморщиться, проникал сюда через шелковый тент пятнистыми лучами. Голоса в беседке, лязг и шипение зультфикаров внизу и изысканная музыка, издаваемая двумя люгнями, – все эти звуки соревновались между собой: какому лучше удастся усилить пульсации в его голове. Он увидел впереди отца, сидевшего на парчовой подушке, взгляд его был устремлен на арену внизу.

Мунтадир двинулся было к нему, но не прошел и половины расстояния, отделявшего его от отца, как на его пути неожиданно возник молодой дэв. Мунтадир от неожиданности отскочил назад и едва сохранил равновесие.

– Эмир Мунтадир! Мир вам! Я надеюсь, вы прекрасно проводите утро!

На дэве было священническое одеяние... или, может быть, одеяние начинающего священника на практике – Мунтадир в данный момент не был готов к расшифровке тонкостей дэвской веры. Короткая, малинового цвета роба доходила дэву до колен, под робой на нем

были брюки в полоску небесного голубого и огненно-желтого цветов. На его курчавых волосах сидела шапочка такой же окраски.

А результатом всего этого становилась яркость. Сильная яркость. Слишком сильная для этого конкретного утра, впрочем, в этом дэве было что-то особенное – черные глаза с длинными ресницами, чрезмерный энтузиазм, сельский акцент дивасти, который что-то напомнил Мунтадиру.

Части медленно складывались в целое в его плохо соображающей голове.

– Мир вам, – настороженно ответил он. – Прамух, да? Сын Каве?

Дэв кивнул, улыбаясь. Его просто покачивало на каблуках вперед-назад от возбуждения, и Мунтадир вдруг подумал, что, возможно, не он один перебрал вчера.

– Джамшид! Это... Я хочу сказать... так меня зовут, – ответил ему дэв, слегка коверкая джинские слова. Он зарделся, и Мунтадир даже в своем рассеянном состоянии не мог не отметить, что ситуация довольно захватывающая. – Не могу вам передать, в каком я восторге от того, что поступаю к вам на службу, эмир. – Он сложил ладони обеих рук жестом дэвского благословения, потом, для вящей убедительности, добавил четкий гезирийский салют, сопроводив его словами: – Вы не найдете никого, более преданного, чем я.

«Поступает ко мне на службу?» Мунтадир в полном недоумении уставился на Джамшида, смотрел на него несколько мгновений, потом перевел взгляд на отца. Гассан не смотрел на него, а это для Мунтадира было подтверждением того, что он просто стал пешкой в какой-то игре.

Он снова посмотрел на покачивающегося, звездглазого священника. Его ресницы были подозрительно длинными, они так и притягивали к себе внимание.

Мунтадир откашлялся, обрывая поток мыслей. Никакого объяснения, почему этот дэв поступает к нему на службу, не было. Он изобразил улыбку, наклонил голову, давая понять Джамшиду, что тот должен уйти с его пути.

– Если вы не возражаете...

– Конечно же! – Джамшид отпрыгнул в сторону. – Подождать вас снаружи?

– Бога ради. – Мунтадир аккуратно прошел мимо, даже не кинув на него взгляда.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.